

Корсарова Варвара

Помощница лорда-архивариуса

▲Глава 1 Рожденная в День Теней

Я жила в столице уже третью неделю; положение мое становилось все более бедственным. Денег не хватало даже на еду. Утром покупала на один сентим черствую

булку и горький спитой чай в маленьком трактире на углу, толкаясь среди угрюмых ранних посетителей, от которых крепко разило дешевым табаком, и здесь же торопливо

завтракала у облезлой деревянной стойки. Половину булки съедала сразу, половину прятала в карман передника про запас. Во время скитаний по улицам столичных окраин

я замедляла шаг, проходя хлебопекарни и едальни, жадно вдыхала дразнящие ароматы – до головокружения и спазмов в желудке. Когда становилось совсем невмоготу, пристраивалась у витрины, где красовались ряды розовых окороков и медовые круги сыра. Я доставала свой несвежий хлеб и наскоро подкреплялась. Жесткая, пахнущая плесенью корка царапала язык, а я воображала, что лакоплюсь одним из недоступных мне деликатесов за стеклом.

Ботинки совсем развалились, ноги стерлись в кровь. В безуспешных поисках места каждый день я обходила не меньше дюжины домов по объявлениям о найме прислуги. Хозяйки встречали меня настороженным взглядом, задавали пару вопросов, а затем выпроваживали. Никому не хотелось нанимать неопытную юную провинциалку без рекомендаций, да еще и бывшую послушницу общины Отроков Света, которую многие столичные жители считали дремучей сектой. Надо сказать, их предположение недалеко ушло от истины.

Я покинула общину месяц назад, но продолжала носить традиционный опостылевший чепец и бесформенный балахон унылого серого цвета, потому что городское платье было мне не по карману.

До приезда в столицу я считала себя привычной к физическим лишениям, однако вскоре обнаружила, что многодневные посты и ночные бдения в холодных комнатах молельного дома – ерунда по сравнению с тем, что выпадает на долю безработных городских бедняков. Я слабела день ото дня и с ужасом понимала, что скоро могу без следа сгинуть в лабиринте мрачных сырых улиц рабочих предместий.

Наступал вечер, промозглый и серый – впрочем, другую погоду в этой части города видели редко. Одежда из толстой шерстяной ткани промокла насквозь и противно колола кожу. От усталости и голода в голове шумело так, что привычные звуки столичной окраины – лязг конных трамваев, крики разносчиков, смех и брань прохожих – доносились как сквозь толстое одеяло.

Прихрамывая, я доковыляла до прилавка с газетами и разной мелочью. Мне был нужен дешевый вечерний листок с объявлениями о работе. Если завтра не найду места, придется достать из потайного кармана неприкосновенную купюру, припрятанную на

крайний случай, купить билет на экспресс «Стальной аспид» и вернуться с повинной
в

Олхейм. Вспомнив о старейшине Уго и жизни, ожидавшей меня в Общине, я испытала острый приступ отчаяния. Ощущение безысходности стало таким глубоким, что даже в груди защемило. Я крепко зажмурила глаза и несколько раз повторила себе: «Я вырвалась на свободу. Разве не об этом я мечтала? Нельзя сдаваться. Удача может прийти в любой момент».

Вернуть хоть толику утраченного оптимизма не получилось. Камень на сердце давил все сильнее.

– Что угодно, милашка? – развязно произнес рыжеволосый неопрятный парень, торговавший за прилавком, – Розовую пудру для твоих бледных щёчек? Патентованный магический порошок от клопов? Амулет на привлечение удачи? А может, табаку – крепкого, контрабандного? Отдам даром, если согласишься провести со мной полчаса вон в той подворотне...

Парень подмигнул гноющимся глазом и довольно загоготал. Я вспыхнула и быстро отошла от прилавка.

В груди похолодело, когда я осознала, что сегодня утром истратила последний сентим, и теперь не могла купить ни еды, ни столь нужный листок с объявлениями. К концу дня я окончательно ослабею, а утром буду не в силах отправиться на поиск работы. Пожалуй, пришла пора забыть о гордости и сделать то, чему душа противилась изо всех сил.

На улицах предместий толпилось немало попрошаек. Особо бойкие собирали за день неплохую выручку, цепляясь с жалостливыми причитаниями к прохожим побогаче. Придется и мне встать с протянутой рукой. Общинное платье может стать подспорьем – притворюсь уличной проповедницей, собирающей подаяния для обездоленных.

Я брела по выщербленному тротуару, выбирая место. Как я должна встать, что говорить? При мысли о том, что я собиралась делать, становилось невыразимо противно. Просить милостыню, да еще и обманом! А конные полицейские? У меня не хватит сил убежать, вздумай они учинить облаву... Придется рискнуть. Хоть я и убеждала себя, что ничего страшного не произойдет, сердце все равно колотилось, как безумное. Бедность – это не только мучительный голод. Это еще и постоянный стыд за то, как ты выглядишь, и за поступки, которые вынуждена совершать.

Недалеко от газетной лавки расположилась небольшая едальня для зажиточной публики. Из распахнутых дверей доносился упоительный запах хорошо прожаренного мяса с чесноком и пряного соуса, томящегося на медленном огне. Мои страдания усилились. Как под гипнозом я подошла ближе, надеясь обмануть истосковавшийся по горячей еде желудок густыми, почти осязаемыми ароматами.

Решено – встану здесь. Из едальни люди выходят сытыми и довольными жизнью – будет проще их разжалобить. Даже странно, что это место еще не заняли другие попрошайки. А вдруг хозяева заведения меня прогонят и побьют?

Я маялась, бесцельно топталась на месте; прохожие начали поглядывать с подозрением.

В панике решила было уйти, но взяла себя в руки. Мне нужна хотя бы одна монета, чтобы купить листок с вакансиями. Иначе придется бесцельно бродить по улице, мокнуть и мерзнуть под дождем, читая объявления на углах домов, или толкаться в конторе вербовщиков вместе с сотнями других отчаявшихся безработных.

«Я смогу попросить одну монету. Обращусь с просьбой к первому, кто выйдет из едальни. Я не побирушка. Не буду приставать и умолять – вежливо попрошу помочь.

В

этом нет ничего страшного».

Двери едальни распахнулись, и на крыльце появился представительный господин в дорогом темно-зеленом костюме, высокой шляпе и теплом шарфе. Под мышкой зажата толстая газета, в левой руке – трость, во рту – незажженная сигара. Пухлую физиономию господина украшали напомаженные, завитые в сложные вензеля усы. На солидном животе лежала толстая серебряная цепь, конец которой прятался в часовой карман, на запястьях и пальцах позвякивали амулеты. Не иначе, удачливый импрессарио или зажиточный рантье. На рабочие окраины таких господ заносит нечасто.

Я решительно приблизилась, не помня себя от волнения. Просить милостыню в первый раз оказалось очень страшно.

От господина разило помадой для волос и крепким элем. После нескольких дней голода

я остро реагировала на неприятные запахи; меня чуть не вывернуло наизнанку желчью

на блестящие сапоги столичного щеголя.

Я привычно растянула губы в дружелюбной улыбке – скорее, гримасе – и произнесла дрожащим голосом:

– Мира и Света вам, сударь. Не могли бы вы помочь... одна монета... во имя очищения... демоны да сгинут... Отврати дух свой от магии, обернись к Свету...

В панике и приступе дурноты я забыла заранее приготовленные слова, и привычка подкинула на язык строку приветственной молитвы Отроков Света.

Господин остановился было учтиво, но, поняв мои намерения, скривился и напыщенно провозгласил:

– Опять эти проклятые нищие и сектанты! Это невыносимо – на каждом углу пристают со своей ересью! Не дождусь, когда канцлер очистит от вас столицу навсегда. Хоть на

жертвенном алтаре вы принесете пользу добрым гражданам Аквиллийской империи!

♣Растерявшись, я подалась назад, но господин решил сыграть злую шутку: внезапно сделал быстрый пасс кистью, звонко щелкнул пухлыми пальцами.

Прямо у меня перед носом вспыхнул огненный шар. Лоб и щеки овеял inferнальный жар. Все залил яркий свет, на стены метнулись черные тени.

Я отшатнулась, попала ногой в выбоину мостовой, упала на колени и вскрикнула, больше от страха, чем от боли, потому что в этот момент одна из теней напозла, заклубилась, обрела объем и попыталась принять человеческий облик! Слепились паучьи ноги и когтистые руки, набух шар головы с нелепыми провалами глаз и рта. От ужаса у меня перехватило дыхание, но тут уродливый образ расплылся и растаял.

Я невольно совершила ритуальный жест, принятый послушниками общины для защиты души от злокозненных созданий иного мира – коснулась ямки у основания горла, мысленно вызвала образ очищающего Света. Привычные, хоть и бессмысленные действия успокоили.

Послышался издевательский свист и смешки зевак. Я поняла, что господина сопровождал демонический помощник – в просторечии, бес-лакей. Сущность невысокого ранга, но за ее призвание и заключение магического договора приходилось платить немалую цену. Возможно, пожертвовать породистое животное или, скорее, лет пять жизни какого-нибудь бедняка с окраин, которого нужда заставила предложить свои услуги теургу.

Демонические сущности невидимы для большинства людей, но дети, впечатлительные женщины и люди, находящиеся на грани смерти, могут разглядеть смутные бестелесные образы. Как оказалось, я тоже обладала этим даром.

Шар продолжал висеть в воздухе, мерцая и переливаясь. Пахло горелым волосом. Я неуклюже поднялась с грязной мостовой, дотронулась до лица и зашипела от боли и отчаяния, когда обнаружила, что магический огонь опалил мне брови и ресницы. Представляю, на что я теперь похожа!

Усатый господин осклабился, довольный своей проделкой, небрежно прикурил от потустороннего огня сигару. Шар поблек и растаял, рассыпавшись веером красных искр. Господин выпрямился, и, бросив на меня последний насмешливый взгляд, удалился размеренной походкой, помахивая тростью. На секунду остановился в конце аллеи, вытащил из-под мышки ненужную газету, небрежно швырнул в кованую урну для мусора и окончательно растворился в тумане.

Я уже пришла в себя и, не теряя ни секунды, бросилась к высокой урне на кованых львиных лапах. Оглянулась, убедилась в отсутствии свидетелей моего позора, запустила руки внутрь. Нашупала газету, вытащила, стряхнула успевшие прилипнуть окурки и шелуху орехов.

Внезапно из-за урны выскочил дюжий бродяга в отрепьях, зашипел, замахал клюкой – решил, что я собираюсь составить ему конкуренцию на богатом мусорном прииске. От испуга и стыда перехватило дыхание, и я быстро ретировалась в дальний угол

аллеи.

У гигантской опоры подвесной дороги нашлась скамья. Я плюхнулась на холодное, сырое от тумана сиденье. Юбка миглом промокла, по телу побежали колючие мурашки. Дрожащими руками я развернула свою добычу.

Газета была дорогой, толстой, отпечатанной на плотной бумаге. Такие газеты продают в центре города; на окраине их покупают немногие.

На первой странице – последние указы Сената, сводка событий, вести с полей сражений:

«Вчера имперские войска разрушили неприятельское укрепление в долине Тейра, для чего теург-стратег Карадос призвал демона третьего легиона. Цена договора составила девятнадцать жизней военнопленных и тридцать жизней породистых лошадей».

«Торжественную церемонию первого подъема воздушного плота «Небесный скат» омрачило неприятное происшествие: в толпе, собравшейся ликованием приветствовать новое творение гениального теурга-механика Кордо Крипса, был замечен одержимый. ▲Полиции Метрополии удалось вовремя обезвредить мага, заключившего незаконную сделку с демоном-ренегатом и своей жизнью за это поплатившегося».

«Руководствуясь высочайшим мнением императора, 15 числа месяца Дождей сенат постановил, что отныне за участие в краже или укрывательство похищенного виновные подвергаются умерщвлению на жертвенном алтаре».

«Наш корреспондент из Лекорно сообщает, что полиция арестовала лиц, распространявших в столице брошюры, направленные против использования демонических агрегатов на местных угольных копях. Все эти лица оказались причастны к тайному обществу ретровитов, которых публика окрестила «Убийцами магии». Объявлена награда за сведения о местонахождении предводителя ретровитов, известного под прозвищем «генерал Линн».

Судя по новостям, все шло как обычно: империя процветает и расширяется, прогресс не стоит на месте и имперским теургам – высшим магам – требуется все больше расходного материала для создания новых промышленных агрегатов и ведения боевых действий. Часть жизней преступников и пленных выкупят чернокнижники, состоящие при богатых аристократах, чтобы сотворить диковинные предметы роскоши для своих хозяев. Пожалуй, скоро на жертвенный алтарь будут отправлять за чих в храме или прогулку в неполюженном месте.

Осторожно перевернула страницу, стараясь не касаться подозрительных жирных пятен, оставленных мусором в урне. На разворотах – биржевые сводки, заметки о благотворительных вечерах и недавно открытой Общеимперской выставке магического прогресса. Цветные иллюстрации изображали одетых по последней моде светских дам и рафинированных придворных теургов, позирующих на фоне непонятных сооружений.

Нет, маловероятно, что в такой газете публикуют заметки о вакансиях.

Но я ошибалась – затейливо украшенные квадратики объявлений занимали последнюю страницу. Требовались модные парикмахеры и парфюмеры, водители личных автомотрис и экипажей на магическом ходу, инженеры, знакомые с принципами демонических сооружений. Все до одной вакансии были в Наосе – центральной части столицы, где я пока не бывала. Наос был воплощением магической мощи и прогресса Аквиллийской империи и сердцем ее столицы – Аэдиса.

В газетах Наос любили называть Колыбелью магии; в общине же Наос называли Колыбелью греха. Мои братья и сестры по вере порицают любые сделки с демоническими существами и считают себя отроками Света, а всех, кто практикует магию или пользуется ее плодами – отроками Тьмы, включая самого императора. Поговаривают, что из-за такой непримиримой позиции община доживает последние дни, но это не так. Столичные Дома общины живут по новому укладу. Они менее строги в своих убеждениях и среди их старейшин немало успешных банкиров и ростовщиков, у которых сенат не раз занимал огромные суммы под выгодный процент.

Взгляд упал на объявление в верхнем углу страницы, которое было набрано старинным колючим шрифтом и гласило:

«Ищем личного помощника достойного господина на хорошее жалованье, с разборчивым почерком, бегло читающего на четырех основных языках, включая староимперский, сведущего в письменах первых магов, знакомого с основами демонологии и защитных ритуалов и умеющего вести личную библиотеку. Обязательное требование: кандидат должен быть рожден в любой неровный год, 31 числа месяца Тумана. Для отбора просим посетить дом лорда-архивариуса Клаудиуса Дрейкорна, что в квартале Мертвых магов, особняк «Дом-у-Древа», в полдень 19 числа сего месяца».

Я не верила своим глазам. До чего странное объявление! Кто может захотеть принять на работу человека, родившегося 31 числа месяца Тумана в неровный год?

Такая дата бывает раз в семь лет. Астрологи называют его днем Теней. В день Теней не играют свадьбы, не заключают сделки, не начинают строить дома и не выходят в лес.

Говорят, все, что случается в лишний день, не принадлежит этому миру и обречено вскоре уйти в небытие.

▲Появиться на свет в этот день – большое несчастье. Еще существует поверье, что рожденный 31 числа месяца Тумана может по своему желанию путешествовать по незримым измерениям.

Неудивительно, что суеверные члены нашей общины относились к таким людям с опаской и недоверием – кому, как не мне, это знать, ведь я родилась именно в такой день двадцать лет назад.

Расправив загнутый лист, я заметила, что на полях рядом с объявлением простым карандашом был нацарапан восклицательный знак – вероятно, бывшим владельцем газеты. Неужели усатый шутник завтра собирается явиться по указанному адресу и претендовать на вакансию? Не похоже, чтобы он нуждался в деньгах.

Я задумалась. Интересно, как много людей в столице, рожденных в день Теней? А как много из них тех, кто ищет работу, да еще и обладает всеми перечисленными в объявлении навыками?

По меркам общины я получила неплохое образование, но всем требованиям странного объявления не соответствовала. Почерк у меня разборчивый, но отнюдь не каллиграфический; из четырех общеимперских языков я владела лишь двумя. Вместо староимперского в общине детей заставляли учить наречие дракрид, давным-давно забытое в империи. На дракриде были составлены первые уклады и наставления Отроков Света, но сомневаюсь, что мое знание священных текстов будет интересно возможному работодателю.

Впрочем, кое-что я все-таки умела: последние пять лет я работала в открытой при общине школе, в том числе вела учет книг. Сестра-кастелянша не раз поручала мне разбирать счета, отвечать на письма торговцев из ближайшего городка и составлять отчеты для старейшин. Чем не секретарь, умеющий вести библиотеку?

Что касается основ ритуалов и демонологии, подобные темы были в общине строго запрещены. Если бы старейшины узнали, что в нашем доме в запертом сундучке под кроватью отца хранятся знаменитые «Черный ключ», «Ранги и легионы потусторонних существ» и «Потаенное царство» – настольные книги любого теурга, – отца бы публично выпороли – вместе со мной.

Несколько лет назад я подобрала ключ к сундуку и время от времени пролистывала пыльные тома в толстом кожаном переплете. Книги были написаны вычурным, сложным языком, откровенные иллюстрации вызвали отвращение, но подростков тянет все запретное и пугающее, и я зачем-то вновь и вновь открывала желтые хрупкие страницы.

Пожалуй, я могла с некоторой натяжкой заявить, что кое-какие – весьма и весьма поверхностные – познания в области демонологии у меня имеются. Но зачем секретарю разбираться в магических науках? Значит ли это, что таинственному работодателю понадобится помощь при проведении нечестивых ритуалов? Отвратительно. Ни за какие деньги я бы не согласилась выполнять такие обязанности.

Темнело. Буквы объявления расплывались под каплями дождя. Мимо, слаженно громыхая подкованными сапогами, прошел отряд ночного патруля. На соседней улице проползла самоходная полицейская вышка. Я увидела, как ослепительно-белый луч прожектора показался среди крыш; нижняя часть вышки, похожая на гигантского стального паука, была скрыта домами, донеслись лишь глухие удары многотонных шагателей о мостовую. Взыла и тут же захлебнулась сирена.

Пора было отправляться домой – путь до окраинного района, где я снимала крохотную

комнату в мансарде доходного дома, был не близок, а улицы беспокойны. Одинокой девушке ничего не стоило попасть в руки подпольных торговцев жертвенной человечинной, поэтому не стоило бродить по вечерам без нужды.

Я сложила отяжелевшую от влаги газету, с трудом поднялась с холодной скамьи и медленно побрела по мостовой, вымощенной неровными острыми камнями. Потoki грязной воды лениво журчали, стекали в отверстия на обочинах, забранные ржавыми решетками. От решеток следовало держаться подальше. В городской канализации водилось немало отвратительных существ, и когда на улицы окраин Аэдиса приходила ночь, они выбирались на поверхность в поисках пропитания.

▲В наступающих сумерках я заметила, как сквозь прутья ближней решетки протянулись

длинные белесые усики, за ними показалась безглазая круглая голова с мощными жвалами. Затем, беспорядочно перебирая суставчатыми ногами, наружу протиснулось длинное хитиновое тело. Оно заканчивалось мощным раздвоенным хвостом, который мог

нанести человеку болезненные раны. Это была диплура – мерзкий обитатель канализаций, похожий на обыкновенную вилохвостку, но длиной в локоть. Моя квартирная хозяйка утверждала, что своими глазами видела диппуру величиной со среднюю собаку. Говорят, диплур в Темный век вывел в лаборатории маг-экспериментатор, чтобы бороться с крысами в своем подвале; теперь, спустя столетие,

полчища уродливых насекомых заселили подземелья столицы и стали ее кошмаром. Они извели всех крыс в Аэдисе, и не брезговали мелкими домашними животными. В газетах

появлялись заметки о том, как диплуры нападали на спящих бездомных бродяг.

Я ускорила шаг, обогнав двух муниципальных чистильщиков, которые неспешно брели к

решетке. Черные балахоны и острые капюшоны придавали им жутковатый вид.

Чистильщики на ходу натягивали грубые перчатки и доставали заостренные палки – к утру на них будут нанизаны десятки уродливых белесых тел.

Чистильщикам платили по количеству истребленных паразитов. Я точно знала сколько – сентим за десяток. Несколько дней назад, отчаявшись найти хоть какое-то место, я

почти решилась наняться на эту малопривлекательную работу, но строгий служащий в санитарной конторе выставил меня вон. Впрочем, я ни капли не расстроилась.

Улицы становились все темнее и неуютнее. Прогресс и магия еще не добрались в плохо

обустроенные торговые и рабочие районы. Единственным свидетельством красоты и величия столицы, доступным всем ее жителям, были Небесные Часы, но в такую погоду

холодное мерцание исполинских цифр, стрелок, шестеренок, астрологических символов

и фаз небесных тел с трудом пробивалось сквозь толщу темных туч.

Каждый раз, когда неизменное марево над окраинами ненадолго расходилось, меня охватывал невольный восторг перед изумительным магическим творением, украшающим небо над Великим Аэдисом, городом Магии и Прогресса, столицей Аквиллийской империи.

На заре Эры магии, двести лет назад, Астрариум – Небесные Часы – придумал

придворный теург-механик Филион Кастор, а призванный демон высшего легиона воплотил его фантазию. Цена сделки была высока. Теург возвел на жертвенный алтарь

сотни животных и людей. Когда я вспоминала об этом, красота призрачного небесного

механизма начинала казаться мрачной и подавляющей, как будто неустанно движущиеся колоссальные шестерёнки и армиллы были готовы затянуть и безжалостно перемолоть и меня, и всех прочих жителей города.

Я брела, глядя на бледное отражение небесного сияния на мокрой мостовой, и чувствовала себя маленькой, никчемной и глубоко несчастной. Мои планы шли вкривь и

вкось, будущее казалось безрадостным.

Когда я вышла из вагона и впервые ступила на шумные улицы Аэдиса три недели назад,

я испытывала смесь ужаса и радости. Сердце пело в предвкушении свободы и новых открытий, но непривычная обстановка и толпы людей – быстрых, шумных, напористых – пугали до дрожи. Всю жизнь я провела в небольшом городке, в религиозной общине с

простым, однообразным укладом; попав в столицу, я чувствовала себя как потерянный

щенок, который сдуру выскочил на оживленную дорогу и оцепенел от страха под мчавшимися вокруг него колесами и копытами. Два дня я просидела в неудобной комнате,

которую мне сдала дальняя родственница, и боялась высунуть нос на улицу.

Затем начались попытки найти работу и как-то обустроиться; пришлось много ходить,

беседовать с незнакомыми людьми, которые относились ко мне по меньшей мере недружелюбно. Мне были неведомы простые вещи: как делать покупки в столичных лавках, так, чтобы тебя не обманули, как пользоваться конкой и воздушным паромом,

как разговаривать с полицейскими и вербовщиками. Я обитала в бедном, перенаселенном и грязном предместье Аэдиса, и оттого видела только непривлекательную сторону столицы, прозванной «Величественной Жемчужиной северного полушария» и «городом Магии и Прогресса». От радужных планов и мечтаний, с которыми я сбегала из общины, не осталось и следа. Я представляла, как

буду жить так, как мне нравится. Думала: приеду в столицу, немного осмотрюсь, устроюсь продавщицей в цветочный магазин или помощницей аптекаря, подкоплю немного денег и уеду подальше от шума, в южный городок, там открою свою цветочную

лавку. Или окончу курсы, стану учителем в скромной сельской школе.

В первые же дни после прибытия в столицу я поняла, что планам моим не суждено сбыться. Рабочие кварталы Аэдиса заполняли безработные. Найти хорошее место было чрезвычайно трудно, в особенности без рекомендаций. На плохие места меня тоже не брали. Родственники по материнской линии дали ясно понять, что помощи с их стороны

я не дождусь.

За три недели на мою долю пришлось немало лишений. И вот теперь я оказалась в тупике и понятия не имела, что делать дальше.

Понурившись, я брела домой. Время от времени вновь принималась размышлять о странном объявлении. Конечно, не было и речи, чтобы заявиться завтра в полдень по указанному адресу.

Во-первых, большее, на что я гожусь, – это должность горничной или няни. Пусть я родилась в нужный день, но почти ничего из перечисленного в объявлении не умела.

Во-вторых, магические практики одновременно притягивали и пугали меня. В той или иной мере к ним прибегали большинство имперских служащих высокого ранга, и лорд-архивариус Дрейкорн, вероятно, не исключение. Наверняка его дом до самой крыши набит зловещими артефактами, а сам хозяин каждую ночь проводит в алтарной комнате, призывая темных существ, готовых по контракту исполнять его прихоти.

За два столетия, минувших с начала Эпохи Магии, жертвоприношения и темные ритуалы стали обыденностью, необходимой платой за прогресс. Были и те, кто противился такому положению вещей – например, последователи учения Акселя Светлосердного, называвшие себя Отроками Света, или ретровиты, участники подпольного политического движения. В лучшем случае их считали ненормальными фанатиками, в худшем – отправляли в казематы, а то и напрямиком на жертвенный алтарь.

Но как знать – вдруг в квартале Мертвых магов проживают те же обычные мещане, что и на окраинах города, из скупости не очень-то жалующие дорогостоящие магические изобретения? Может, секретарю архивариуса придется всего лишь возиться с ветхими бумагами и документами, просиживая день-деньской в пыльном кабинете и попивая от скуки горячий шоколад. Будь у меня такое место, я могла бы есть досыта, снять хорошее жилье, купить нормальную городскую одежду и посылать деньги отцу...

Так, терзаясь сомнениями и преодолевая усталость, головокружение и боль в ногах, я добрела до доходного дома, в котором жила с момента приезда в столицу. Хозяйка, пожилая скаредная неряха, приходилась дальней родственницей моей матери и ненавидела общину, всех ее послушников и в особенности – моего отца.

Позавчера истек последний оплаченный день моего проживания. Следовало пробраться в тесную комнатку под самой крышей незаметно, чтобы не встретиться с хозяйкой, которая могла без церемоний вышвырнуть меня на улицу и забрать мои жалкие пожитки в качестве оплаты за последние два дня. Почтенная Резалинда была и не на такое способна.

Я достала ключ, тихо повернула его в замке, приоткрыла дверь и проскользнула в темный коридор. В коридоре пахло застарелой пылью, плесенью и луком, жаренным на прогорклом масле. Из кухни доносился грубый голос хозяйки – она готовила себе поздний ужин и по привычке препиралась с темнокожим привратником Эофимом, который жил в каморке у входа и по вечерам имел обыкновение распивать с Резалиндой кружку-другую крепкого грога.

Плохо. Я рассчитывала, что в столь поздний час оба любителя матросского поила уже убралась по своим комнатам, и я смогу пошарить на кухне в поисках засохшей корки или обрезков овощей, а затем тихо подняться к себе.

Лестница вверх располагалась напротив кухни, и теперь мне предстояло проскользнуть мимо двери абсолютно бесшумно, подобно бестелесному призраку. Я сняла промокшие ботинки и, затаив дыхание, начала двигаться. ▲Мое возвращение могло бы остаться незамеченным, если бы не хозяйкина бесхвостая кошка Кальпурния, которая немедленно заинтересовалась шорохами из коридора и с дурным криком выскочила поприветствовать запозднившегося постояльца. Вслед за ней появилась хозяйка: в левой жилистой руке грязное полотенце, в правой дымящаяся боцманская трубка, рот перекошен, седые волосы всклокочены. Судя по покрасневшему мясистому носу и разбредающим в разные стороны глазам, Резалинда вылакала уже не меньше трех кружек грога. Теперь начиналась лотерея – алкоголь мог привести Резалинду как в добродушное, так и в свирепое настроение, и если сегодня выпало последнее, мне не поздоровится.

– Камилла, мышка серая, откуда ты так поздно? – спросила моя хозяйка заплетающимся языком, – Коли станешь бродить по ночам – глазом не успеешь моргнуть, окажешься в беде.

Из кухни донеслось одобрительное нечленораздельное ворчание Эофима. Таким образом он подтверждал правоту собутельницы.

– Пройди на кухню, мышь, посиди с нами, обогрей свои тощие мослы, – предложила Резалинда с грубоватым радушием, окинув мутным взглядом мои ноги в мокрых изорванных чулках и синее от холода лицо.

Кажется, пронесло. Сегодня Резалинда добрая и не ищет скандала. Стоило этим воспользоваться.

Я прошла за хозяйкой и уселась за шершавый стол, покрытый засохшими потеками и крошками. В душе появилась надежда, что размякшая от доброго грога Резалинда предложит мне что-нибудь перекусить, однако та поставила на стол всего две тарелки – себе и Эофиму, разлила в них коричневую густую жижу, исходящую жирным паром, отрезала два ломтя грубого черного хлеба и жестом пригласила привратника к трапезе. Они ели, чавкая и отдуваясь, а я сидела напротив смотрела – что ж, по крайней мере, мне было тепло.

Сухой ровный жар исходил от большого железного ящика, украшенного медными заклепками, массивными болтами и накладной латунной решеткой в виде переплетающихся ветвей плюща. В узких щелях, полускрытых коваными завитками, медленно переливались языки огня странного зеленоватого оттенка. Пламя горело ровно и совершенно бесшумно. Это был огненный короб – самый простой и доступный

бытовой предмет, созданный при помощи магии. Уже более сотни лет он заменял большинству жителей столицы традиционные угольные, дровяные и газовые печи. Для огненного короба не требовалось топливо, и он исправно служил многие десятилетия.

Привратник Эофим, который проработал много лет на литейной фабрике, однажды поведал мне, как делают магические огненные короба. Кузнецы изготавливают железные корпуса, используя инструменты, сотворенные при помощи демонических существ и ими же приводимые в движение. Затем за дело берутся чернокнижники – для розжига магического пламени требуется контракт с сущностью самого низшего порядка. Такие сущности неприхотливы, и для их вызова используются простые ритуалы

с принесением малой жертвы. Для этой цели на фабрику в специальных фургонах привозят сотни собак. В цехах стоит невообразимый шум – лязг и грохот машин не может заглушить вой несчастных животных, а запах гари и раскаленного металла смешивается с запахом крови.

Я представила эту картину, и от жаркой магической печи как будто повеяло ледяным холодом. Вздвогнув, я встала, чтобы отправиться к себе, но госпожа Резалинда подняла от тарелки затуманившийся от обильной пищи и выпивки взгляд и довольно участливым тоном коротко поинтересовалась:

– Работу нашла?

Я замялась, опустила глаза и нехотя призналась.

– Сегодня не повезло.

– И не повезет никогда, раз ведешь себя как простофиля, – отрезала Резалинда, – В разговоре с господами честной быть – себе вредить. Хвали себя побольше, форсу напусти, а коли врешь – ври уверенно, в глаза глядя. Говори: всю жизнь в прислугах работала, все умеешь, а что рекомендаций нет – соври, что померла хозяйка нежданно-негаданно, не успела тебе документ черкануть.

– Я так не умею. Да и как врать буду – ведь поймут сразу.

– Будешь правильно себя вести, все с рук сойдет. Глупцов немеряно на свете. Есть и те, кто поглупее тебя. Молодые барышни особенно доверчивые бывают. А с господином беседуешь, так еще лучше. Дай ему понять, что всякие услуги оказывать готова, пока жена его в сторону смотрит. Ты девчонка молодая, мордаха у тебя свежая, приодеть тебя – совсем бы все просто стало.

Хозяйка лихо подмигнула и скривила жирные губы в похабной ухмылке.

– Да, и еще – раз уж отказали тебе, ты как уходить будешь, смотри в оба, может что

получится прихватить незаметно на прощание. Ножик серебряный, самописное перо. Бывает, пару сентимов на столике слуги забудут. Мелочь, конечно, а все впрок.

Я вежливо кивала, стараясь не показывать своего раздражения. Госпожа Резалинда была не из тех людей, кто «дурного не посоветует», совсем напротив.

Мне, деревенской девчонке из религиозной общины, мнилось, что все ее советы имеют отчетливый привкус дурного, порочного, гадкого: «себе на пользу и соврать не грех», «украденный ломоть слаще меда», «бедному все простится», «доброго да доверчивого милое дело обмануть; пускай страдает, коль клыков не отрастил...».

Я стиснула пальцы; в руках зашуршала смятая газета.

– Что там у тебя? – Резалинда требовательно протянула руку.

– Вот, – я отдала газету и указала на объявление, которое так меня заинтриговало.

Я надеялась, что Резалинда прекратит учить меня уму-разуму и, наконец, расскажет что-то дельное. Хозяйка любила почитать «Мутное зеркало», еженедельник, собирающий все столичные сплетни, и поэтому неплохо знала, кто есть кто среди знати Аэдиса.

– Странное объявление, не находите? Кто такой этот лорд-архивариус Клаудиус Дрейкорн?

Хозяйка внимательно прочла объявление и буркнула, откладывая газету:

– Насколько помнят мои старые мозги, лорд-архивариус Клаудиус Дрейкорн помер с год назад. Демон его знает кто сейчас распоряжается в его доме и зачем этому человеку нужен секретарь, родившейся в нехороший день.

Подойдя к окну и раскуривая вонючую трубку, госпожа Резалинда поведала:

– Дрейкорны – династия известная. Всегда были при императорах, еще с Темного века. Проходимцы, интриганы и сильные теурги. Последний лорд-архивариус Дрейкорн был не исключение. Врагов имел немало, – Резалинда басовито хохотнула и продолжила: – Не удивлюсь, если это объявление дал сам старый пройдоха – со старика Дрейкорна станется вернуться с того света, чтобы дальше проворачивать свои темные делишки.

Тут госпожа Резалинда прервала свой рассказ и угрожающе помахала зажатой в кулаке трубкой.

– Если думаешь туда пойти работать, мой совет тебе – забудь. В квартале Мертвых магов глупой девчонке вроде тебя делать нечего. Место это нехорошее, половина

домов

уже лет двести стоят пустые, а в остальных живут либо вконец ополоумевшие чернокнижники, либо родовитые снобы вроде Дрейкорнов – и то потому, что их предки там жили испокон веков.

Тут я вспомнила, что квартал Мертвых магов упоминался в учебнике по истории империи в связи с какими-то кровавыми событиями конца эпохи Инквизиторов.

Мрачные

детали в голове не удержались, да и не стремилась их вспомнить – рассказа госпожи

▲Резалинды хватило, чтобы убедить меня в том, что странное объявление было не для меня.

С тяжелым сердцем решив завтра попытать счастья в конторе вербовщиков, я встала, пожелала хозяйке и Эофиму доброй ночи и двинулась к выходу, незаметно прихватив с

края стола кусок горбушки – в точности, как учила Резалинда. Моя совесть промолчала.

В этот момент хозяйка глянула исподлобья, затянулась трубкой и, выпустив клуб черного дыма мне в лицо, внезапно заинтересовалась:

– Деньги принесла?

Захваченная врасплох, я неловко спрятала руку с украденным хлебом за спину и промямлила:

– Сегодня нет, но...

Хозяйка не стала дальше слушать. Довольно кивнув головой, она сообщила:

– Ну, раз нет, освободи комнату завтра к вечеру. Я уже нашла новых постояльцев. Если не заберешь свои вещи до их приезда, потом не ищи.

В отчаянии я открыла было рот, чтобы умолять ее оставить мне крышу над головой хотя

бы на один день, но, как оказалась, госпожа Резалинда еще не закончила выкладывать плохие новости.

– Вокруг дома целый день крутился какой-то прохиндей, по виду – один из ваших послушников. Выспрашивал у Эофима, не останавливалась ли у нас белокурая девушка в

сером платье. Думаю, он по твою душу являлся. Эофим его прогнал взашей. А я вот что

тебе скажу: езжай-ка обратно к отцу в Олхейм, столица не для таких мышек, как ты. Ты

ведь дура-дурой, к нашей жизни не привыкла, сама о себе позаботиться не можешь, а

мне с тобой возиться недосуг.

Как я уже не раз убеждалась, здравый смысл госпожи Резалинды граничил с жестокостью. Она не собиралась мне помогать, и умолять ее было бесполезно, потому что деньги Резалинда чтит больше всего на свете. Если бы человек, приехавший за мной из Общины, догадался обратиться напрямую к моей хозяйке, предложив вознаграждение, она бы не стала скрывать мое пребывание в своем негостеприимном доходном доме.

Молча кивнув – меня душили слезы – я вышла из кухни и медленно побрела вверх по лестнице в свою комнату, в которой мне предстояло провести последнюю ночь.

▲Глава 2 «Дом-у-Древа»

Сосущий голод и страх за будущее не дали мне уснуть до утра. Сначала я долго ходила

по комнате, пытаясь согреться. Поздно ночью, когда обитатели доходного дома угомонились и в коридорах наступила тишина, я прокралась на кухню. Огонь в магической печи дремал, но бак с водой еще не остыл. Обжигаясь, я выпила две кружки

горячей воды, которая дала ложное ощущение полного желудка; украденную горбушку решила отложить на потом. Холод отступил, в голове прояснилось.

Вернувшись в комнату, я села у окна, закуталась в отсыревшее, пахнущее плесенью одеяло и задумалась о том, что делать дальше. Возвращение в общину виделось единственным выходом, но будущее при этом рисовалось настолько неприглядное, что хотелось завять.

Давно, во времена покойного ныне старейшины Гилеада, послушникам дозволялось уходить на время в большой мир. Нынешний старейшина Уго был в этом вопросе непреклонен и покинувших общину обратно не принимал, клеймил с кафедры как отступников, брызжа слюной и потрясая руками над всклокоченной шевелюрой.

Однако,

если Резалинда не врет, кто-то за мной приехал, искал меня. Выходит, Уго готов сделать

для беглой послушницы исключение.

С одной стороны, мне есть куда вернуться. Однако я знала, что старейшина Уго согласится принять меня только в том случае, если стану одной из «духовных спутниц

просветленного»; сейчас их было три, меня прочили в четвертые.

В Олхеймском Доме общины Отроков Света неукоснительно следовали древним заветам ее основателя, патриарха Акселя Светлосердного. Один из них гласил:

«Пусть соединяются в браке равные и лучшие в познании Света, равные и лучшие по телесному и духовному состоянию и те, на ком нет отметин Тьмы, дабы их потомство приблизилось к Свету ближе, чем их родители».

Это означало, что прилежные послушники женились на прилежных послушницах, нерадивым доставались нерадивые, статным – статные, худосочным – худосочные и тому подобное. Ни один из обитателей общины не смел выбрать себе жену самостоятельно. Все брачные пары назначал старейшина. Некоторые счастливы (или несчастны, как посмотреть) получали не одну, а две жены. Иногда браки заключались между не очень дальними родственниками. Надо сказать, никакими особыми достоинствами дети таких союзов не отличались. Послушников, чьи отцы,

деды
и прадеды строго следовали укладу Общины и по приказу старейшин женились на своих
сестрах и племянницах, было легко узнать по скошенному лбу, вялому подбородку и легкому тугоумию. Но Община придерживалась старого Уклада, поэтому дикий обычай продолжал жить.

«Мы словно животные, от которых ждут отборного потомства, – сердился отец.

– Хорошо, что я вовремя сбежал из Олхейма двадцать пять лет назад и встретил в Аэдисе твою мать. Ты – наглядное доказательство того, что самые лучшие дети бывают у пар, соединившихся по велению сердца».

Серьезнее всего старейшина подходил к выбору собственных духовных спутниц. В этом важном деле он руководствовался примерно теми же соображениями, что и опытный заводчик при закупке племенных кобыл.

Избранница должна быть выносливой, иметь крепкое здоровье и приятную внешность, преуспевать в практиках слияния со Светом. Просветленный старейшина Уго сам осматривал приглянувшихся ему послушниц. Больно щупал мускулы на руках и ногах, лез нечистыми пальцами в рот считать зубы. К счастью, со мной отец такого проделать не позволил: отходил старейшину костылем ниже поясницы, за что вскоре и поплатился.

Спутницы переселялись в дом старейшины и делили с ним постель. Новая, младшая спутница должна была беспрекословно прислуживать всем членам огромной семьи – ее главе, старшим спутницам, их детям. Все жены несли тяжелые многочасовые телесные и духовные послушания. В «гареме» царила строгая дисциплина, запрет на любые увеселения и проявления чувств.

▲Старейшина Уго начал присматриваться ко мне еще с той поры, как я достигла совершеннолетия. Заходил к нам домой, беседовал с отцом, расспрашивал сестер-наставниц о моих успехах. Частенько появлялся на занятиях и наблюдал, задумчиво теребя свою длинную жидкую бороденку заскорузлой дланью. Мне становилось не по себе. Острый взгляд неприятно царапал кожу между лопаток; от него было невозможно скрыться, как от назойливого слепня. И вот в прошлом году, на ежегодном празднике Сакрального Единения, старейшина Уго объявил о выпавшей мне высокой чести. Принуждать меня никто не собирался, но вскоре события обернулись так, что передо мной встал выбор: покинуть общину, чтобы зарабатывать на жизнь самостоятельно, или прийти в неуютное, угрюмое жилище Просветленного и его спутниц.

Выбор был невелик: либо страдать от голода и холода на улицах столицы, но свободной, либо в доме старейшины Уго – лишенной любых прав и даже собственного «я».

Никто из послушниц не стал бы задаваться таким вопросом, но мой отец, повидав мир и взяв в жены девушку из столицы, дал мне особое воспитание.

«Еретик, – говорила сестра-наставница Анея. – И тебя вырастил еретичкой».

Впрочем, нынешнее неприкаянное положение, в котором я очутилась после ухода из Общины, сложно было назвать настоящей свободой – слишком высокую цену приходилось за нее платить.

Никто не стоял надо мной, некому было наказывать меня, некому было принимать решения, пренебрегая моими желаниями. Но для человека, непривычного к свободе, отсутствие хозяина становится тяжелым испытанием.

Права была Резалинда – к самостоятельной жизни среди мирян я была не готова. В защищенном мирке общины, при всех его тягостных ограничениях, у меня был дом и еда, я была окружена знакомыми и друзьями и всегда могла получить помощь или добрый совет.

Я тяжело вздохнула, достала газету, зажгла свечу и перечитала странное объявление.

Затем развернула карту Аэдиса и начала изучать. Вот он – квартал Мертвых Магов. Небольшой квадратик, на котором схематично изображены старинные здания с рогатыми башенками и черепичными крышами. Рядом надпись старинной вязью: «Магисморт» – так звучит историческое название квартала на староимперском.

Доходный дом госпожи Резалинды находится на другом конце столицы, в Котлах

– предместьях, где живут мастеровые, мелкие барыги, отставные моряки и сброд всех

мастей. Вздумай я направиться завтра в дом лорда-архивариуса, о котором так нелестно

отзывалась моя хозяйка, мне бы пришлось пройти до самого Наоса – центра города. Не

меньше трех лиг. Очень далеко!

У здорового, крепкого человека, идущего пешком, дорога заняла бы часа три-четыре, а

если бы у этого человека еще нашлись деньги на конный трамвай или извозчика, то поездка стала бы интересной и приятной экскурсией по столице.

Денег на конный трамвай у меня не было, сил на долгие прогулки оставалось мало, поэтому я опять мысленно упрекнула себя в том, что всерьез думаю о странной вакансии.

Отложив газету, собрала скудные пожитки в потрепанный саквояж, с которым

заявилась в столицу три недели назад и с которым я собиралась вернуться обратно – с позором и

смирением.

Легла в кровать и попыталась уснуть. Бесполезно. Душу грызло отчаяние, а стук сердца

отдавался в ушах, подобно набату. Комнату наполняли и другие звуки, которые еще больше будоражили сознание и усиливали тревогу.

За стеной слева надсадно кашлял и бормотал сосед – бывший фабричный мастеровой.

Два дня назад он лишился работы, потому что хозяева фабрики заменили его и сотню других честных трудяг новейшим магическим механизмом.

Из комнаты соседки справа раздавался пьяный смех и непристойные выкрики. Килии
▲сегодня повезло – удалось подцепить клиента на всю ночь. Госпожа Резалинда не возражала, когда веселая девица приводила гостей, лишь бы та не забывала сунуть ей
утром пару зеленых купюр за причиненное неудобство.

С улицы донесся мерный стук копыт конной полиции и отчаянная брань нарушителя, которого волокли в участок. Уже утром он понесет наказание: судебный триумvirат при
полицейском управлении рассмотрит его преступление и маг- экзекутор лишит несчастного нескольких лет жизни – а то и направит на алтарь верховных теургов. Свежие жертвы требовались постоянно, и в столице с правосудием не затягивали.

Жизнь в бедных предместьях столицы была тяжелой. Нищета, отчаяние и серый дождь
с
утра до ночи.

Утром поднялась, когда серый сумрак за окнами едва начал светлеть. Подошла к окну –
и отпрянула. Прямо у входа стоял бледный человек в длинном сером одеянии и широкополой шляпе. Он крутил во все стороны головой, пытаясь заглянуть в окна.

Человека узнала сразу – это был просветленный Освальд, старший сын старейшины Уго.
Нет никаких сомнений – именно он допрашивал вчера привратника Эофима, пытаясь найти меня.

Увидев Освальда, я одновременно испугалась и обрадовалась. Было приятно видеть знакомое лицо – пусть это даже была одутловатая, невыразительная физиономия ханжи
и доносчика Освальда. Он был на пару лет старше меня; в детстве мы не раз играли вместе. Посланец из Олхейма напомнил мне о спокойной, защищенной жизни, которую я
когда-то вела в Общине, пока все не изменилось.

«Вот и решение моих проблем. Старейшина готов принять меня обратно, раз подослал своего сына. – подумала я, – Выйду к Освальду, он отвезет меня домой, и больше не
придется ни о чем беспокоиться. Жизнь наладится – всего лишь придется смириться. Рано или поздно это произойдет».

Решившись, я натянула прохудившиеся чулки и не успевшее просохнуть за ночь платье,
с трудом надела жесткие башмаки, медленно спустилась по узкой лестнице и вышла на
холодный утренний воздух. Увидев меня, Освальд встрепенулся. На одутловатом лице появилось выражение облегчения и злорадства. От маленьких юрких глаз Освальда не укрылся мой понурый, изможденный вид, разбитые ботинки, покрасневшие глаза и опаленные брови. Сын старейшины прекрасно понял, что в столице мне пришлось несладко.

– Камилла, Камилла, маленькая заблудшая овечка! – протянул Освальд, подражая Просветленному Старейшине, чье место ему когда-нибудь предстояло занять. – Я нашел тебя, и мое сердце трепещет от радости и переполняется Светом.

Я принес благую весть – отец простил твою неразумную выходку. Братья и сестры по вере готовы принять тебя в свои объятия!

От гнусавого голоса и высокопарных речей Освальда мухи дохли на лету. На душе стало гадко.

– И тебе доброго утра, Освальд, – произнесла я с кривой улыбкой. – Как ты нашел меня?

– Твой никчемный отец образумился и сообщил адрес этого ужасного дома, обитатели коего погрязли в темнейшем грехе.

Освальд с отвращением покосился на краснолицего похмельного приказчика – ночного клиента моей соседки – которому в этот момент как раз приспичило вывалиться во двор. На заплетаящихся ногах приказчик пересек двор и приблизился, источая убийственный запах перегара и порока. Чтобы не столкнуться с гулякой, Освальд резво отпрыгнул в сторону, угодил ногой в лужу нечистот и вполголоса выругался словами, которые Отроку Света знать вовсе не положено. После этого он, наконец, заговорил нормальным языком.

– Собирайся. Мы должны успеть на десятичасовой экспресс. В твоих интересах вернуться сегодня же. Отец сказал, что искупительное наказание станет строже с каждым днем задержки.

– А какое наказание меня ожидает сейчас? – вяло поинтересовалась я.

– Два дня у позорного столба, неделя в келье Смирения. В цепях, конечно.

Я поежилась.

– Другие старейшины были против твоего возвращения, но отец велел им не вмешиваться, – продолжал Освальд, – Он все еще хочет взять тебя к нам в дом.

Тебе несказанно повезло!

– О да, несказанно, – пробормотала я.

– Старейшина намерен сам искоренить дурное влияние твоего отца. Джейма тоже довольна. Ей позарез нужна помощница в свинарнике и в дубильне.

Мне сразу же померещился мерзкий запах гнилой кожи и навоза, который всегда и повсюду сопровождал неряшливую Джейму, вторую жену Просветленного.

Освальд поднял указательный палец к небу и назидательно поведал:

– Твой отец испортил тебя. Затуманил голову рассказами о своей распутной юности

В
Аэдисе. Согласись, его изгнание из общины стало правильным уроком и ему, и всем,
кто
к нему прислушивался.

С этим я согласиться не могла, но промолчала. Отроковицы Света не смели
возражать
мужчине.

Старейшина Уго всегда недолюбливал моего отца, бунтаря и чужака, и месяц назад
изгнал его из общины. Это стало главной причиной моего бегства в столицу. Я не
хотела
оставаться в общине без отца, но были нужны деньги, чтобы мы с отцом могли жить
независимо. Я надеялась заработать их в Аэдисе.

– А теперь иди и принеси вещи. Я подожду тебя здесь. Этот черномазый демон у
входа
покаялся хорошенько отделать меня палкой, если, как он выразился, я еще хоть раз
оскорблю своим видом его глаза. Проклятый висельник!

Я послушно повернулась и поднялась к себе. Взяв саквояж, я вновь подошла к окну,
собираясь с духом. Прощай, грязный дом госпожи Резалинды. Прощайте, унылые
Котлы.
Прощайте, так и не увиденные мной чудеса Аэдиса, города Высокой Магии и
Прогресса.

Освальд ждал меня у забора и нервно вертел головой, высматривая, не появился ли
привратник Эофим. По забору неуклюже кралась хозяйкина кошка Кальпурния;
спрыгнула, постояла в раздумье, приблизилась к Освальду вихляющей походкой и
начала тереться о сапог. Сын старейшины брезгливо подобрал край одеяния,
огляделся,
а затем что есть силы ударил лаптящуюся кошку каблуком по голове так, что
несчастное
животное отлетело на несколько локтей и недвижно повалилось на землю, не издав
ни
звука.

Освальд всегда был жестоким и трусливым парнем. Любил нанести удар исподтишка;
наши детские игры обычно заканчивались дракой.

Отпрянув от окна, я быстро повязала чепец, наспех нацарапала записку Резалинде и
положила ее на саквояж – мне не хотелось лишиться последних вещей. Затем быстро
выбежала из комнаты и устремилась к черному ходу.

Через минуту я выскочила на задний двор, вышла в темный переулок, скрытый
высоким
забором от посторонних глаз, и двинулась прочь от доходного дома госпожи
Резалинды и
ожидавшего меня у главного входа Освальда.

Стоило поспешить – солнце уже поднималось, Небесные Часы показывали восемь утра,
а кандидатам было назначено явиться в дом лорда-архивариуса Клаудиуса Дрейкорна
в
полдень.

Несмотря на бессонную ночь, я шла довольно бодро. Меня толкало вперед любопытство.

▲За три недели, что я прожила в столице, я успела увидеть лишь небольшую ее часть, и никогда не бывала в центре. Все дни занималась поисками работы в Котлах и Предгороде. Мне было не до праздных прогулок, да и проезд на конном трамвае или извозчике стоил немало; приходилось думать лишь о том, как бы выжить.

Теперь я отправилась к кварталу Мертвых Магов не только потому, что рассчитывала получить там работу. Напротив, в удачный исход своего путешествия я не верила, и понимала, что завтра меня ждет безрадостный путь обратно в Олхейм – в одиночестве или в компании Освальда. Но напоследок мне хотелось своими глазами – хоть мельком – увидеть знаменитые на весь мир чудеса Аэдиса.

Я знала, что Аэдис огромен, но никогда не предполагала, что настолько. Я шагала и шагала по бесконечным фабричным кварталам. Несмотря на ранний час, здесь было многолюдно. Ночная смена возвращалась домой. Толпы безработных уже сидели у контор вербовщиков прямо на грязном тротуаре. Рядом бдительно околачивались полицейские в потертой синей униформе.

В районе пакгаузов и фабрик полицейских взводов было небывало много. Я то и дело отпрыгивала в сторону и прижималась к грязным каменным стенам, чтобы не попасть под копыта конных отрядов. Железные подковы выбивали из мостовой искры, бряцали сабли и детали портупей, из-под островерхих шлемов хмурились усатые лица.

Некоторые улицы оказались полностью перекрыты. Из-за этого мне пришлось сделать огромный крюк по незнакомым узким улочкам. Я очень боялась заблудиться и поэтому увязалась за дородной служанкой в грязном переднике, спешащей на городской рынок – по крайней мере, я знала, как от рынка попасть на нужную мне улицу. Служанка шла быстро и непрерывно ругалась. Из-за оцепления ей пришлось тратить время на обход, и теперь ее хозяева лишились свежей ветчины на завтрак.

– Проклятые ретровиты! – громко бубнила она под нос, брызжа желтоватой слюной. – Чтоб их на жертвенном столе крюками разорвало! Остроголовые так и рыщут, черти. Опять, поди, комендантский час введут, пока всех не изловят.

Я жадно внимала. Остроголовыми называли полицейских из-за их шлемов. Про ретровитов часто писали в газетах.

За последнее столетие созданные демонами станки и машины заменили человеческий труд; на улицах оказались тысячи безработных. Те, кто не стал мириться с новым положением вещей, объединились в тайное общество. Устраивали протесты, уничтожали магические агрегаты, проклинали в своих листовках теургов и призывали расторгнуть все пакты с демонами. За магопромышленный саботаж полагалась смертная казнь или ссылка в колонии, но отряды ретровитов – прозванных Убийцами магии – росли. Поговаривали, что Канцлер собирался даже ввести в столицу специальные войска, а

за
голову генерала Линна, таинственного предводителя ретровитов, была объявлена немалая награда.

Я догнала сердитую кухарку, широко, дружелюбно улыбнулась и рискнула обратиться к
своей невольной провожатой с вопросом:

– Что произошло? Чем Убийцы магии досадили остроголовым в это раз?

В ответ на улыбку кухарка недоуменно нахмурилась, но обрадовалась возможности излить негодование:

– Ночью разнесли стеклоплавильный цех на заводе Сектимуса Алистера... теперь остроголовые хватают всех без разбора. Может они и правое дело делают, Убийцы эти,
но только простым людям и так тяжело, а тут еще оцепления... Видишь, что творится?

Служанка остановилась и ткнула рукой в открытые железные ворота. В узком фабричном дворе толпились полицейские и солдаты. Со злыми, нахмуренными лицами они бродили среди обломков оборудования, словно разыскивая что-то. Под грубыми сапогами хрустели осколки стекол. На ржавых воротах белой краской был грубо намалеван топор и молния – знак ретровитов.

Внезапно все пришли в движение, широкие спины солдат в оцеплении разомкнулись. **▲**Конвоиры вывели худого человека в рабочей одежде с закрученными за спину руками.

На голове и одежде человека виднелась кровь, лицо искажено от боли и бессильной ярости.

Стоявшая рядом со мной высокая белокурая девушка жалостливо охнула и с чувством произнесла:

– Живодеры, сатрапы! Демоновы прислужники!

Полицейские мигом подтянулись, нахмурились, заозирались. Девушка сделала шаг назад и быстро растворилась в толпе, чтобы не попасть в руки мага-эксекютора вместе с арестованным.

Появился суперинтендант в черной униформе с белыми нашивками. Внешность у него была примечательная: квадратный раздвоенный подбородок, пышные усы и шишковатый нос, точь-в-точь как у Кранча, персонажа театра марионеток, злодея, постоянно строившего козни кукольным влюбленным парам. Полицейский громогласно приказал всем разойтись. Кухарка сплюнула конвою вслед, а я отвернулась и поспешила прочь.

Узкая улочка закончилась, и я увидела знакомые дома. Это было Пристанище – квартал, где обитали семьи рабочих, докеров и поденщиков. Здесь улицы походили на узкие ущелья, высокие стены которого образовывали многоярусные рабочие бараки. Верхние ярусы часто нависали над нижними; везде лепились узкие галереи, балкончики, шаткие переходы и лестницы.

Прямо на этих нелепых конструкциях, похожих на неряшливые соты скальных пчел, уличные торговцы раскладывали пестрый товар, цирюльники пристраивали свои принадлежности и ждали первых клиентов, карабкались тощие дети, а хозяйки сушили белье, которое моментально серело от висящей в воздухе сажи.

На улицах было тесно, темно и сыро; увидеть клочок серого, затянутого гарью неба и отблеск Небесных Часов можно было, лишь задрав голову.

Наконец стены мрачного ущелья раздались; я вздохнула полной грудью и даже зажмурилась от внезапно яркого утреннего неба, которое теперь ничто не скрывало. На смену гигантским человеческим ульям пришли непримечательные трехэтажные дома из простого серого камня, в которых жили небогатые представители среднего класса.

Незнакомые улицы становились шире и чище; здесь столичный муниципалитет уже установил вместо газовых фонарей магические светильники – узкие высокие конусы из переливающегося полупрозрачного стекла. С наступлением темноты они загорались мягким рассеянным светом, меняющим оттенок в зависимости от часа и погоды.

Затем потянулись ряды нарядных особняков, прячущихся за коваными решетками. По мере приближения к центру столица становилась ярче и утонченнее. С каждым новым кварталом город менял свой вид, характер и настроение. Я вертела головой из стороны в сторону, пытаюсь не упустить ни детали; даже усталость пропала.

Вместо грубых повозок стрелой проносились изящные экипажи. Конные трамваи сменились паровыми. Под звонкий перестук они бодро тянули узкие двухэтажные вагоны с блестящими латунными поручнями. Впереди у локомотива был круглый фонарь, похожий на внимательный глаз. Из-за него паровик казался сказочным механическим насекомым.

Пару раз промелькнули шестиколесные магические самоходы причудливой конструкции, но я не успела их рассмотреть.

По тротуарам спешили на работу клерки в строгих костюмах. Чопорный вид служащих разнообразили пышные бакенбарды самых удивительных форм и нафабранные усы – последний писк столичной моды.

Яркие фургоны выгружали товары у сверкающих стеклом лавок, приказчики суетились и нетерпеливо окрикивали жизнерадостных грузчиков. На узких аллеях богато одетые горничные выгуливали господских собачек. Полицейские не патрулировали эти районы, а сидели в красивых кирпичных будках под нарядными зелеными крышами и сохраняли неизменно вежливое выражение лица.

▲Внезапно яркие краски померкли, на нарядную улицу напозла черная тень, словно день сменился ночью. Я подняла глаза: высоко над домами скользило плоское металлическое брюхо воздушного плота. Невероятно огромное, оно тянулось и тянулось, ряды проблесковых маячков ритмично переливались. Под ними проносились махолеты

лоцманов, суетились, как стайки рыбешек подле морского хищника. Прохожие останавливались, задирали голову, обменивались восхищенными репликами.

– Это же «Небесный Скот», последнее приобретение императорского флота! – с благоговением произнес дородный господин в военной форме, обращаясь к своей спутнице, утонченной сухопарой даме. – Он великолепен. За него отдано триста человеческих жертв. Но «Небесный Скот» того стоит. Невероятная грузоподъемность. Какие обводы, какая аэродинамика! Кордо Крипе настоящий гений. Его демон согласился на оплату договора пленными фаракийцами. Половину из них захватил наш тринадцатый полк – я лично сопровождал вагон в имперские мастерские! Проклятые черномазые скулили, как побитые собаки, не хотели отправляться на алтарь.

Сухопарая дама одобрительно кивала головой, манерно вздыхала, показывая свой восторг подвигами спутника.

Бесконечное воздушное судно величественно проплыло на юг, к складским кварталам, волоча за собой гигантскую тень. Показалось солнце и неустанно вращающиеся армиллы Небесных Часов. Кровожадный военный продолжал смотреть вслед "Небесному Скоту", поставив ладонь козырьком над глазами. Я с отвращением покосилась на его украшенное медалями пузо и двинулась дальше.

Здания вновь выросли; белоснежные лестницы уходили вверх, на площадки, где располагались кафе под открытым воздухом и сцены для выступлений оркестров. В ранние часы музыка не звучала, но улицы были наполнены свистками и звоном транспорта, гудением толпы и выкриками мальчишек-газетчиков.

Каждый дом был не похож на другой. Их вид становился все причудливее, и я поняла, что архитекторами были вовсе не люди. Зачем обычному человеку пристраивать к дому странный механизм, похожий на гигантское медное колесо, которое медленно вращалось и приводило в движение многочисленные шестеренки и поршни, уходящие вглубь кирпичной кладки? Детали двигались совершенно бесшумно и как будто сами по себе – источником энергии был не пар, не газ и не уголь, а силы, не принадлежащие этому миру.

Другое здание походило на гигантские песочные часы: его верхняя круглая часть – судя по окнам, жилая – была соединена с нижней стеклянной колбой высотой в два этажа, в которой медленно пересыпались струйки мерцающего белоснежного песка. Достигая нижней части, струйки закручивались в спирали, устремлялись вверх. Каково было предназначение этого устройства? Возможно, даже самим хозяевам дома это было неизвестно. Демоны не объясняли принципы работы механизмов, основанные на физических законах иного, бесплотного мира.

Я почти дошла до центральной части столицы, которая являлась воплощением имперского прогресса. Здесь магия использовалась повсеместно. В богато украшенных витринах магазинов механические куклы с печальными фарфоровыми лицами двигались в сложном танце, демонстрировали модные платья. Шелковые и кружевные подола, следуя ритму нежной мелодии, колыхались и обвивались вокруг тонких металлических

суставов и шарниров ног.

В другой витрине порхали тысячи алых и изумрудных бабочек, выстраивая сложные узоры и вензеля. Я прижалась к витрине носом; бабочки оказались сделанными из лоскутов блестящей ткани и ярких пуговиц – магазин торговал роскошной колониальной мануфактурой. Демоны любили создавать имитацию жизни из неживых предметов.

Мне было не по себе. Сколько животных – или, может, людей – пришлось положить на алтарь, чтобы создать такое украшение витрины? Задумывался ли об этом владелец магазина, когда заказал эту услугу теургу?

Оставался последний участок пути. Я решила передохнуть и свериться с картой; подошла к фонтану, прячущемуся под ажурной металлической беседкой, ополоснула лицо ледяной водой, тонко пахнущей зеленым виноградом, и напилась. Последний раз я ела вчера, но голод почти не ощущался; его сменила странная легкость во всем теле, время от времени переходящая в головокружение. Я тяжело опустилась на железную скамью, выкованную в виде лозы, и вытянула гудящие ноги.

Эта часть города находилась на возвышении, и передо мной открывался великолепный вид. Улица вела к площади в форме длинного узкого прямоугольника. Площадь окаймляли прекрасные здания с тонкими, легкими колоннами, арками, виадуками, каменными навесными переходами и резными портиками. Вдалеке уходил на головокружительную высоту сверкающий шпиль Адитума – императорского дворца, места заседания Сената и главного святилища Империи. Небесные Часы здесь были открыты во всей своей величественной красоте – усилиями имперских магов небо над кварталами богачей всегда было ясным.

Слева от площади виднелась узкая полоска реки, рассекающей город на две части. За рекой начинался квартал Мертвых Магов.

Я почувствовала волнение – близился конец моего путешествия. Я была совершенно измучена и старалась не думать, что мне еще предстоял долгий путь назад.

До назначенного времени оставалось полчаса. Я не спеша спустилась к реке – на карте она была обозначена как Киенна. Улица вывела к древнему горбатому мосту странной формы, похожему на хребет доисторического зверя.

Перед мостом возвышалась каменная стелла с медной табличкой, позеленевшей от времени. На табличке можно было разобрать буквы, стилизованные под староимперский алфавит. Надпись гласила – «Магисморт», строимперское название квартала Мертвых Магов.

Я взошла на мост. Часть высокого каменного парапета расколота, и трещина зияет, как глубокая рваная рана. Тут и там вбиты железные кольца с обрывками цепей, виднеются давние следы огня и начертаны зловещие ритуальные символы. Очевидно, на мосту давным-давно произошла какая-то нехорошая история. По спине пробежал холодок, и

я
поспешила ступить на берег.

Квартал Мертвых Магов выглядел одновременно потрепанным, величественным и мрачным. На миг показалось, что ступив на его мостовую, я словно перенеслась в другой город – или в другой век. Солнце сюда не заглядывало; пустынную улицу заполнял туман, выползающий из реки. Отчего-то он не рассеялся даже к полудню. Дома были старыми, потемневшими, сложенными из темно-красного кирпича, по цвету напоминающего запекшуюся кровь. Под крышами домов скалились каменные химеры и морские чудовища, чьи пасти служили воронками водостоков.

Многие из домов были, очевидно, давно необитаемы – об этом говорили наглухо закрытые окна и двери и общий дух запустения. Другие, напротив, были бережно отреставрированы.

Людей на улице не было видно; лишь один раз мне навстречу попала мрачная иссохшая женщина в строгом черном платье и плаще с серебряной нашивкой на груди – арка и звезда, символ имперского теурга. Я старалась не пялиться на нее во все глаза, но это было нелегко – я решила, что женщину сопровождал невидимый бес-лакей. Иначе отчего длинные полы плаща плавно поднимались и опускались за спиной магессы, подобно крыльям ворона, хотя ветра не было и в помине?

Женщина уставилась на меня бесцветными глазами, и лицо ее приобрело сосредоточенное выражение, как будто она видела что-то неведомое за моей спиной. Я напряглась и вежливо кивнула; женщина не ответила, отвернулась и продолжила свой путь.

Дом лорда-архивариуса Клаудиуса Дрейкорна нашла легко – он был огромным, зловещим, и больше походил на небольшой замок, чем на городской особняк. Чем ближе я к нему подходила, тем выше он казался и тем сильнее подминал под себя.

Три этажа, тяжелые колонны, лепные орнаменты, стрельчатые окна. Левое крыло здания заканчивалось массивной четырехъярусной башней. В верхней ее части, прямо из каменной кладки, простирались мощные ветви черного цвета, как будто внутри башни было заключено гигантское дерево. Я решила, что ветви были вырезаны из какого-то камня, но, подойдя ближе, поняла, что ни один скульптор не смог бы создать подобное. «Демоническое творение или настоящее дерево?» – размышляла я в недоумении, задрав голову. Затем вспомнила, что у особняка было свое имя – «Дом-у-Древа»; стало ясно, откуда взялось это название.

Робея, я поднялась на высокое крыльцо. Каждый шаг давался мне нелегко, я сомневалась и хотела повернуть обратно. Несколько секунд собиралась с духом, прежде чем взяться за дверной молоток из тяжелой потемневшей бронзы.

Едва постучала, дверь резко распахнулась. Передо мной предстал высокий пожилой человек в черном костюме. По золотому шитью на лацкане я догадалась, что вижу перед собой дворецкого или камердинера.

Человек был абсолютно лыс, но при этом имел пышные седые бакенбарды. Светлые, почти бесцветные глаза смотрели цепко и недружелюбно. К немалому удивлению я заметила, что густую растительность на узком бледном лице странный человек имел неспроста – под белоснежными зарослями прятались фиолетовые татуировки, густо покрывавшие морщинистые щеки. У подбородка выглядывал узор, похожий на якорную цепь, а к правому уху тянулся рыбий хвост. Эта деталь совершенно не вязалась с чопорным обликом дворецкого, который осматривал меня с надменным видом, подобающим самому придворному церемониймейстеру. «Бывший моряк, который не желает, чтобы люди знали о его прошлом», – решила я.

Я растянула губы в улыбке. Чтобы она получилась искренней, я попыталась отыскать в стоявшем передо мной человеке черту, которая бы мне действительно понравилась, и восхититься ей от всей души. Это оказалось непросто. Старик мне категорически не нравился. Он походил на белесую болотную рептилию, холодную и опасную. Я улыбнулась еще шире, так, что даже щеки заболели.

Старик дернул бровями и произнес глубоким голосом, таким гулким, что у меня от неожиданности подогнулись колени:

– Здесь не подают.

И приготовился закрыть дверь у меня перед носом. Я растерялась и хотела ретироваться, но пришла досада – я проделала такой длинный путь, я должна хотя бы поговорить с хозяином! Вспомнилось наставления Резалинды – вести себя смелее, не пасовать. Упрямо наклонила голову и сказала дрогнувшим голосом:

– Я по объявлению.

Старик равнодушно, словно и не пытался избавиться от меня секунду назад, вновь открыл дверь и с легкой ноткой презрения пригласил:

– Прошу.

Я не без робости шагнула внутрь.

В вестибюле царил сумрак, разбавленный яркими пурпурными пятнами – свет падал сквозь высокое витражное окно. Сложная сцена на витраже изображала объятую огнем двухголового ящера, который готовился разорвать человека с мечом в каждой руке.

С высокого потолка вестибюля спускалась массивная многоярусная люстра, такая великолепная, что я застыла в восхищении. В причудливо переплетенных бронзовых ветках и листьях прятались хрустальные птицы, удивительные существа и десятки странных стеклянных колб. Газовые рожки, но скорее, магические светильники.

Дворецкий стремительно двинулся вверх по широкой лестнице из черного мрамора. У него была странная походка: спину он держал чрезвычайно прямо, но при этом

ступал,
широко расставив ноги и слегка покачиваясь, как это свойственно тем, кто многие годы провел на палубе. Помедлил, обернулся, коротко кивнул, приглашая идти следом – падающие сквозь витраж лучи света на мгновение окрасили его бакенбарды в алый цвет,
как будто он окунул их в кровь.

▲Мы поднялись на второй этаж, попали в длинный арочный коридор, свернули направо и прошли в небольшое помещение. Немногословный дворецкий указал на стул у стены и велел:

– Ожидайте, вас пригласят.

Затем прошел к двери у противоположной стены и скрылся за ней.

Я огляделась. Кабинет, несомненно, принадлежал книжному червю. До потолка поднимались шкафы, забитые кожаными папками с золотым тиснением и книгами.

В кабинете я была не одна. На стульях у стены сидели еще три человека. Я неуверенно поздоровалась и села.

Первый, полный мужчина средних лет, похожий на школьного учителя, вежливо кивнул в ответ.

Второй – высокомерный юноша, почти подросток – на приветствие не ответил: посмотрел сквозь меня, поправил нежной рукой длинные волосы, причесанные по последней моде, и занялся стряхиванием невидимых пылинок с обшлага бархатного пиджака.

Третьей оказалась дама – высокая, красивая, уверенная в себе женщина, одетая в костюм с широкими брюками, которые недавно стали популярны у горожанок, вынужденных зарабатывать себе на хлеб. Она насмешливо взглянула на мое серое платье и чепец, достала тонкую сигару и закурила, не спрашивая разрешения присутствующих.

Очевидно, это были претенденты на вакансию. Хорошо образованные столичные жители.

К счастью, вчерашнего усатого господина, благодаря которому я раздобыла газету с объявлением, среди них не было. Но, глядя на конкурентов, я понимала, что мои шансы получить место были ничтожно малы. Стоило немедленно встать и покинуть этот дом, но я пока была не готова к долгому обратному путешествию, поэтому лишь печально вздохнула и не сдвинулась с места. В конце концов, глупо проделать столь долгий путь и даже не побеседовать с возможным нанимателем – кем бы он ни был, – а получать отказы мне не привыкать.

Чтобы отвлечься и успокоиться, я принялась рассматривать даму напротив. Она вызывала у меня искреннее восхищение. Какие они смелые, эти прогрессивные жительницы столицы, сильные, живут как хотят, ни от кого не зависят! Они совсем не

боятся чужого мнения и плевать хотели на дурацкие правила. А как красиво одеваются!

Очень бы хотелось примерить эти брюки. Уверена, в них куда удобнее, чем в моем балахоне из колючей шерсти.

Дама заметила мой взгляд, кивнула головой снисходительно.

Я радостно улыбнулась ей в ответ. По-настоящему, дружелюбно – в даме мне нравилось решительно все. Прогрессивная жительница столицы красиво приоткрыла рот, выпустила в мою сторону струю сизого дыма и поинтересовалась низким хриплым голосом:

– Вижу, милая, ты недавно в столице? Прибыла из какой-то богом забытой дыры, и теперь хочешь устроиться в городе?

Я неуверенно кивнула, продолжая улыбаться.

– Позволь, угадаю – тебя отовсюду гонят, тебе нигде не рады? Хочешь, расскажу, как сойти за настоящую горожанку, стать своей в Аэдисе?

Я растерялась, а дама отчеканила:

– Вот тебе мой совет – для начала перестать скалиться, как деревенская дурочка!
В

столице считают так: улыбаешься незнакомым, значит, задумала какую-то подлость, либо умом слаба. В любом случае, от таких как ты предпочитают держаться подальше.

Заруби это себе на носу.

♣Дама откинулась на спинку стула, крепко затянулась и выпустила еще одну великолепную струю дыма.

Юноша в бархатном сюртуке громко хмыкнул. Полный мужчина неловко заерзал и прокашлялся. Я действительно почувствовала себя круглой дурочкой. На даму я не обижалась: выразилась она грубовато, но верно. В столице незнакомым не улыбались.

Жизнь к этому не располагала. Следовало избавиться от наивной деревенской привычки.

Тушевдалась я недолго. Растущая нервозность заставляла действовать, говорить.
Полный

мужчина выглядел довольно дружелюбно, и я решила обратиться к нему с вопросом:

– Простите мою неосведомленность – кто сейчас является хозяином этого дома? Я слышала, что лорд-архивариус Клаудиус Дрейкорн умер год назад.

Полный мужчина важно кивнул, подтверждая точность моих сведений, и разъяснил:

– Вероятно, его сын, Джаспер Дрейкорн. Он унаследовал и дом, и титул лорда-архивариуса.

Осмелев, я задала вопрос, который меня волновал больше всего:

– Объявление кажется странным. Зачем нужен секретарь, родившийся в день, который бывает лишь раз в семь лет?

Длинноволосый юноша вновь хмыкнул, как будто потешаясь над моей наивностью, а дама разъяснила:

– Как раз ничего странного в этом нет. Многие аристократы набирают себе челядь, следуя советам астрологов. Это помогает избежать многих проблем.

Например, служанки, родившиеся под знаком Крысы, склонны к воровству, а кухарки-Мантикоры готовят просто ужасно.

Полный мужчина с сомнением произнес:

– Да, но я никогда не слышал, чтобы дату указывали так точно – да еще какую дату!
Обычно указывают только астрологический знак.

Затем понизил голос и с интонацией заядлого сплетника добавил:

– Впрочем, Дрейкорны всегда славились своими причудами. Очень зловещими причудами, надо сказать. А в особенности Джаспер Дрейкорн. Слышали ли вы, что он...

Но тут его перебил томный юноша, решивший некстати вступить в разговор.

– Астрология крайне важна для ритуалов вызова. Говорят, теурги всегда составляют точный гороскоп жертвы, перед тем как возвести ее на алтарь. Так требуют высшие демоны. Контакт с бесплотным миром зависит от расположения звезд, поэтому потусторонние твари так разборчивы.

Юноша зловеще улыбнулся и многозначительно посмотрел на меня. Хочет напугать, догадалась я.

Дама фыркнула:

– Уж не хотите ли вы предположить, что объявление о найме секретаря – лишь предлог, чтобы заполучить жертву с редким гороскопом? Серьезно считаете, избранного кандидата ждет смерть на алтаре? Чушь.

– До такой крайности, конечно, не дойдет, – парировал толстяк, – но хозяин вполне может потребовать от прислуги отдать пять-десять лет жизни, если это ему потребуется. За вознаграждение, или как наказание за проступок. Такие случаи известны. Теурги не щепетильны, когда речь идет об их интересах, и у них есть способы надавить на подчиненных, дабы получить требуемое.

– Ну так идите себе восвояси, раз боитесь пойти на корм демонам, – огрызнулась дама, – Меньше конкурентов будет. Должность при имперском архивариусе – редкий шанс. Лично я на все готова, чтобы ее получить.

Скрипнула дверь, ведущая в соседнее помещение, и интересный разговор прервался.
В

комнате появился старик-дворецкий и громко провозгласил:

– Эрван Флервик, прошу.

Толстяк вздрогнул, суетливо вскочил и скрылся за дверью. Потянулись минуты ожидания. Примерно через четверть часа дверь опять распахнулась:

– Густава Арнидор.

Дама торопливо смяла дурно пахнущую сигариллу в серебряной пепельнице и широким шагом прошла в соседний кабинет. Еще через четверть часа вызвали длинноволосого юношу. Обратно никто из кабинета не появился. Я нервничала все сильнее.

Наконец, седовласый дворецкий вышел в четвертый раз. Оглядел комнату так, будто рассчитывал найти ее пустой, увидел меня, привычно нахмурился и отрывисто позвал:

– Прошу.

Сердце ухнуло, руки задрожали. Отступить было поздно. Я собрала все свое мужество, встала и последовала за дворецким. Было ясно, что мне вот-вот предстоит испытать несколько унижительных минут, выслушать очередной оскорбительный отказ, а затем опять брести через весь город к доходному дому госпожи Резалинды

– и приехавшему за мной сыну старейшины, которого, вероятно, немало разозлила моя выходка. Впрочем, это лучше, чем сгинуть в жертвенном зале, если сплетники говорили правду.

Оказалось, что комната, где мы ожидали собеседования, была прихожей огромного кабинета, также заставленного книжными шкафами с витражными дверцами. У дальней стены стоял длинный стол, за которым обнаружили ранее вызванные соискатели. Они что-то торопливо писали, сосредоточенно сверяясь с разложенными перед ними бумагами.

Еще один письменный стол стоял напротив. За ним в широких кожаных креслах сидели три человека. По привычке я широко, дружелюбно улыбнулась, но тут же спохватилась, придала лицу постное выражение и вполголоса поздоровалась.

Молодой сероглазый мужчина вежливо поднялся, когда я приблизилась. Он был высок, белокур и очень хорош собой. От его доброй улыбки я несказанно смутилась. Он внимательно – пожалуй, слишком внимательно – посмотрел на меня и представился:

– Кассиус Ортего, управляющий делами господина Дрейкорна.

Затем поинтересовался:

– Вы не назвали Пикерну ваше имя. Кто вы?

Я робко произнесла:

– Камилла.

– Несказанно рад познакомиться с вами. Как же ваша фамилия, Камилла?

Наступил щекотливый момент.

– У меня нет фамилии. Я бывшая послушница общины Отроков Света. Мы пользуемся только именами.

Золотистые брови господина Ортего поползли вверх. За его спиной раздался издевательский смешок и показавшийся знакомым голос произнес:

– О боже, кто к нам сюда только не являлся – теперь вот еще Отроковицу Света принесло!

▲Управляющий шагнул в сторону и я, наконец, рассмотрела тех, кто сидел за столом. В одном кресле неловко примостился хорошо одетый сухонький старичок с аккуратной белой бородкой и завитыми локонами. Во втором, к моему отчаянию, развалился вчерашний усатый шутник, хозяин бес-лакея. Кажется, он меня не узнал, потому как не упомянул вчерашнее происшествие, а продолжал разглагольствовать преувеличенно оживленным голосом:

– Все-таки, Кассиус, твое объявление никуда не годится. Нашел его во вчерашнем выпуске «Имперского Геральда» и убедился, что оно ужасно составлено. Теперь к нам в поисках работы приходит всякий сброд. Подумать только, послушница Общины, глупая, необразованная девчонка! Джаспер будет в бешенстве.

Старичок недовольно заерзал в кресле. Господин Ортего резко бросил:

– Огастас, пожалуйста, придержи язык. Госпожа Камилла, не обращайтесь внимания. У господина Оглетона своеобразное чувство юмора. Прошу, присаживайтесь. Мне нужно задать вам несколько вопросов, а потом перейдем к испытаниям.

Я кивнула и осторожно села в предложенное кресло. Пот стекал по спине тонкой струйкой, руки дрожали. Я ужасно нервничала. Сейчас мне предстояло много и убедительно врать, а я к этому была непривычна.

Старичок покачал головой и мягко произнес:

– В самом деле, Оглетон, нам не так уж важно происхождение кандидата. В Общине воспитывают хороших, скромных, молчаливых девушек. Она прекрасно подойдет для наших целей, если справится с проверочным заданием.

Кассиус спросил:

– Госпожа Камилла, когда вы родились?

– Тридцать первого числа месяца Тумана, двести двадцатого года.

Старичок одобрительно покачал головой.

– Все верно. Она говорит правду.

Я непонимающе посмотрела на него. Оглетон хмыкнул и подал голос:

– Вы даже запись о рождении у нее не потребуете? Впрочем, откуда у этих сектантов официальные документы!

Упавшим голосом я произнесла:

– У меня нет записи о рождении.

Старичок терпеливо улыбнулся.

– Я не зря служу придворным астрологом уже сорок лет, милая. Ваш облик, поведение и голос ясно говорят, что вы родились в день Теней. В этом нет никаких сомнений.

Придворный астролог! Вот это да! Кто же тогда этот противный Оглетон – может, придворный шут?

Оглетон опять хмыкнул – в этот раз недоверчиво.

– Как скажете, господин Торнус, как скажете.

Дальше в разговор вновь вступил господин Ортего.

– Камилла, вы посещали школу?

– Да, в Олхейме. Мэр требовал, чтобы все дети города получили образование, даже те, кто воспитывался при Общине.

– Вы знаете староимперский?

▲– Немного, – ответила я, чувствуя, как краснеют щеки. Уверенное вранье не было моей сильной стороной.

– Вам знакомы основные принципы магии? Вы ведь из Отроков Света, а они, как известно, магию не жалуют.

– Мой отец держит в доме книги по ритуалистике и демонологии, хоть это у нас и запрещено. И я их читала, – ответила я уклончиво.

– Вы знаете, как обращаться с магическими предметами? Как защищаться от остаточных заклятий Темных лет, если в том возникнет надобность?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова, и чувствовала, что от стыда у меня даже лоб покраснел. От надвигающейся паники стало трудно дышать. Госпожа Резалинда может мной гордиться. «Себе на пользу и соврать не грех». И вот я соврала.

Единственный
магический предмет, с которым мне довелось близко иметь дело – это огненный
короб,
что стоит на кухне доходного дома. О заклятиях Темных лет я не имела ни
малейшего
представления. Стоит Кассиусу задать пару-тройку уточняющих вопросов, и он сразу
поймет, что мои знания никуда не годятся. Впрочем, обман откроется совсем скоро,
во
время проверочного задания, которое упомянул придворный астролог Торнус. На что
я
только рассчитывала, придя в этот дом?

Сидящие за столом господы переглянулись. Оглетон скривил полные губы и помотал
головой. Господин Ортего упрямо нахмурился и едва заметно пожал плечами.
Астролог
Торнус глядел безмятежно, как младенец.

– Хорошо, Камилла, – поднялся управляющий, давая понять, что беседа завершена. –
Вы должны кое-что сделать, и затем мы решим, подходите ли вы нам. Пожалуйста,
пройдите сюда.

Он провел меня в заднюю часть кабинета и предложил занять место за длинным
столом,
рядом с другими соискателями. Передо мной лежал лист бумаги, карандаш и
пожелтевший манускрипт. Часть текста была напечатана старинным колючим шрифтом,
часть написана от руки мелким квадратным почерком. В углу был изображен знак,
показавшийся знакомым. Он напоминал руну, которая использовалась в древнем
дракридском наречии – а именно руну змеи.

– Вы должны переписать весь текст, что видите на этом листе, – объяснил Кассиус,
зачем-то делая упор на слово «видите», – Переписать аккуратно, красиво, ничего
не
пропуская. Вы знаете, что староимперская каллиграфия необычайно сложна. Нам
нужно
проверить, насколько вы в ней сильны. Затем вы должны перевести текст на
общеимперский. Прошу, приступайте.

Кассиус вернулся за свое место за столом, но не отводил от меня взгляда. Я
окаменела.
Переписать? Попробую. Перевести? Ничего не выйдет.

Дрожащей рукой я придвинула манускрипт и кое-как взяла самопишущее перо. Задание
было мне не по силам, но я решила идти до конца. Придётся просто копировать
буквы
незнакомого алфавита как можно точнее. Что касается перевода, кое-какие
староимперские слова я знала, может, сумею додумать остальное.

Остальные соискатели уже завершили работу. Юноша и толстяк передали свои листы
Кассиусу, тот бегло их изучил, вежливо кивнул и попросил дворецкого проводить
соискателей на выход. Кажется, испытание они не прошли.

Я мельком глянула на рукопись своей соседки, госпожи Густавы. Выданный ей
манускрипт очень походил на мой – часть напечатана, часть заполнена от руки, но,
к

моему удивлению, переписала она от силы половину текста. Я решила, что самоуверенная дама была вовсе не такой образованной, какой казалась. Неудача соперницы несколько успокоила.

Госпожа Густава передала свой лист Кассиусу, а затем, как и остальные соискатели, покинула кабинет в сопровождении дворецкого.

Я копировала слова так аккуратно, как только могла. Чем ближе подходила к концу текста, тем чаще ловила на себе взгляды троицы за столом. Кассиус смотрел напряженно, астролог Торнус – с любопытством, а толстяк Оглетон тарачил водянистые глаза и недоверчиво дергал себя за ус, рискуя испортить напояженный вензель.

Я чувствовала: что-то идет не так, но не могла понять, что именно. Мне казалось, я неплохо справляюсь с работой. Почему они так на меня смотрят? В голове мутилось от голода, усталости и волнения.

Господин Ортего встал и подошел ко мне.

– Ваше время истекло, Камилла, – произнес он почти виновато, – Позвольте вашу работу.

Я вцепилась в лист обеими руками.

– Я не успела перевести, – призналась с отчаянием.

Кассиус приблизился и почти вырвал исписанный лист у меня из рук, пробежал глазами, затем вынул из кожаной папки на столе какой-то документ и сверил с моим текстом. На его лице проступило неприкрытое, безмерное удивление, которое сменилось облегчением. Волнуясь, он произнес:

– Неважно. Оставим перевод. Госпожа Камилла, вам придется немного подождать. Пикерн подаст вам чай и пирожные, чтобы вы не скучали.

Чай и пирожные! Да, да, да! Подайте мне чай и пирожные, а затем можете выгнать прочь, потому что я не прошла ваше испытание – иначе, почему бы Кассиусу так странно смотреть на мою писанину, как будто не веря своим глазам?

Я поднялась – слишком поспешно – голова закружилась. Я пошатнулась, но Кассиус подхватил меня под локоть, пристально посмотрел в глаза и что-то понял.

– Пикерн, пирожных не надо, замените их сухими галетами, пожалуйста. А чай заварите совсем слабый, – внезапно отдал он приказание, которое поразило меня до глубины души. А ведь господин Ортего показался мне таким внимательным и добрым, и вот, пожалуйста, – пожалел пирожных и чая!

Но Кассиус наклонился к моему уху и тихо произнес:

– Пирожные с жирными взбитыми сливками и крепкий чай не пойдут на пользу в вашем состоянии, Камилла. Когда вы ели в последний раз?

Я была так ошарашена, что ответила без запинки:

– Вчера вечером.

– А когда вы в последний раз ели нормально, досыта?

– Не помню. Неделю или две назад.

– Понятно. Ешьте осторожно. Не спешите. Устройтесь в кресле поудобнее, и подождите.

Все будет хорошо. Доверьтесь мне.

С этими словами Кассиус отвел меня в приемную комнату, усадил в кресло за маленьким

столиком в углу, затем вернулся в кабинет. Спустя минуту Пикерн принес серебряный

поднос, на котором исходил паром небольшой чайник и стояла чашка с блюдцем из тонкого полупрозрачного фарфора. На белоснежной тарелке лежали три галеты приличных размеров. Я с трудом сдерживалась, чтобы не запихнуть их в рот все сразу,

но, помня совет Кассиуса, отламывала крошечные кусочки и медленно рассасывала, а затем делала маленький глоток чая светло-янтарного цвета. Чай умопомрачительно пах

травами, хрустящее тесто таяло во рту. Никогда в жизни не ела ничего вкуснее.

Из кабинета доносились голоса – сначала тихо, затем все громче и громче.

Говорящие

шумно препирались. Я услышала, как Кассиус с нажимом обратился к Оглетону:

– За месяц здесь побывало человек двадцать, но никто – никто! – не подошел. Мы уже

сомневались в открытии господина Торнуса – он сам в себе сомневался, верно, господин

♣Торнус? Но она смогла, у нее все получилось!

– Вы в своем уме, Кассиус? – визгливо парировал Оглетон. – Послушница Общины – и в этом доме! Вы знаете, как сектанты относятся к магии? Глупая, недалекая девчонка

будет брать в руки и читать сокровища коллекции Дрейкорнов! Нет, нет, я переоцениваю

ее возможности. Куда ей читать! Разве вы не видите, староимперского она не знает?! О,

представляю, что скажет Джаспер, когда узнает о вашем выборе!

– У нас нет выхода, Огастас, – мягко увещевал придворный астролог Торнус.

– Время идет, Канцлер ждет результатов. Джаспер задерживается. Он делает свое дело,

а Кассиус делает свое. Девушка выглядит порядочной, а это главное. В голове у нее,

конечно, пусто, но это не беда... Лично я в полном восторге. Моя теория

подтвердилась.

Ах небесный механик, каков хитрец!

– Поступайте как знаете. Мое дело маленькое. Я всего лишь скромный семейный стряпчий – куда мне лезть в ваши имперские дела!

Послышались шаги, и из кабинета вылетел взъерошенный Оглетон. Его напомаженные усы обвисли, потный лоб покраснел. Оглетон бросил на меня убийственный взгляд, фыркнул, как рассерженный кот, и выскочил в коридор.

Появился Кассиус. Он широко улыбался, серые глаза светились. Его белозубую улыбку чуть портили крупные, выдающиеся вперед верхние резцы, но, несмотря на этот дефект, молодой человек казался мне прекрасным, словно сказочный принц.

– Госпожа Камилла! – торжественно произнес он, – Я счастлив предложить вам вакансию личного помощника и библиотекаря гран-мегиста Джаспера Дрейкорна, нового лорда-архивариуса, теурга второго ранга. Мы можем обсудить с вами условия прямо сейчас; в течение двух месяцев вы проходите испытательный срок. Оплата составит половину будущего жалованья, то есть двести декатов. Стряпчий Оглетон составит договор завтра к утру; вы подпишете его и сразу приступите к своим обязанностям. Я введу вас в курс дела.

Я силилась понять, что говорил мне Кассиус. Он предлагает мне занять вакансию помощника? Я могу приступить к работе завтра? Мне будут платить... двести декатов? Двести? Этого не может быть. Гувернанткам или домоправительницам в столице платили пятьдесят декатов, клеркам – не больше восьмидесяти. Этот прекрасный сероглазый принц шутит?

– Я прошла собеседование? – задала я глупый вопрос, отставляя в сторону чашку и с сожалением глядя на крошки, оставшиеся от галет. Если бы Кассиус не вошел в кабинет, я бы высыпала их в рот.

Кассиус опустился в кресло напротив, осторожно взял меня за кисть и ласково потряс.

– Да, Камилла. Поздравляю. Лично я очень рад, что вы будете работать у нас в доме. Вы прекрасно со всем справитесь. В основном вам придется приводить в порядок семейную библиотеку, переписывать старые документы – ничего сложного. Где вы остановились в столице? Господин Дрейкорн предпочел бы, чтобы его помощник проживал здесь, в его доме, и не отлучался в город без нужды. Вы могли бы переехать сюда сегодня?

– Мне придется платить за комнату? – задала я второй глупый вопрос.

– Разумеется, нет, – удивился Кассиус. – Будете жить на всем готовом.

Это предложение решало все мои проблемы, но я ощутила укол беспокойства.

– А где сам господин Дрейкорн?

– В отъезде, и когда вернется – неизвестно, – развел руками Кассиус, – Если откровенно, мы не часто имеем удовольствие видеть хозяина. Но ни о чем не беспокойтесь – в его отсутствие я и Оглетон заведем всеми делами. Мы прекрасно вас устроим.

Услышав имя Оглетона, я невольно поморщилась. Кассиус добродушно засмеялся. ↗ Не переживайте, Огастас не будет вам докучать. К тому же, он не так плох, как кажется, просто невыносимо глуп и заносчив. Если бы не традиция, Джаспер давно бы отказался от его услуг, но увы! – поколения Оглетонов испокон веков были стряпчими при Дрейкорнах.

– Хорошо, – сказала я неуверенно – происходящее казалось мне сном. – Я готова переехать прямо сейчас.

– Отлично! – всплеснул руками Кассиус. – Хотите, я пошлю за вашими вещами, а вы пока отдохнете в своей новой комнате? Чуть позже Пикерн подаст обед – прикажу кухарке сварить вам легкий суп, а на ужин можно будет съесть что-нибудь поплотнее. Не стоит смущаться, Камилла, – Кассиус посмотрел на меня ласково. – Мне доводилось бывать в вашей ситуации, и я знаю, каково это – голодать неделями и изнывать от тревоги, не зная, удастся ли прожить завтрашний день. Теперь все будет хорошо. В этом доме вам ничего не угрожает.

Мне показалось, что последние слова Кассиус произнес с ноткой сомнения, но сил вдумываться в их искренность у меня не было. Я вытащила счастливый лотерейный билет, и сердце мое трепетало от волнения.

↗Глава 3 Библиотека лорда-архивариуса

Господин Ортего ни за что не хотел отпускать меня обратно в город одну.

– Камилла, я вижу, как вы измождены, – серьезно сказал он. – Лицо бледное, как мел, того и гляди упадете. Напишите записку хозяйке. Попросите ее собрать ваши вещи. Пикерн возьмет извозчика и все привезет.

– Мне, право, неловко..., – попробовала я возразить. Меньше всего хотелось, чтобы накрахмаленный, чопорный Пикерн отправился в доходный дом госпожи Резалинды и увидел, в каких условиях я жила: ободранные стены, прогорклый запах, и нетрезвая хозяйка с ее боцманской трубкой и несдержанным языком. Но Кассиус был настойчив, пришлось согласиться. Впрочем, я была рада избежать возможной встречи с сыном старейшины. Освальд наверняка в ярости прождал меня целый день. Теперь лучше не попадаться ему на глаза.

Я написала записку, от волнения дважды порвав бумагу пером. Кассиус вызвал дворецкого и дал ему нужные указания. Пикерн коротко кивнул, повернулся и молча

вышел. Ручаюсь, задание было ему совершенно не по душе.

Затем управляющий предложил показать выделенную мне комнату. Я двинулась за ним, ошалело озираясь. Голова шла кругом от невероятного поворота судьбы. Я даже предположить не могла, куда она меня влекла и с какими людьми готовила столкнуть.

Дом лорда-архивариуса Дрейкорна вызывал смешанные чувства.

Его внутреннее убранство было столь же необычным, как и внешний вид. Мы шли по длинным, безлюдным коридорам с множеством арочных проемов. Я старалась не глядеть на изваяния, наполовину утопленные в стену. Изваяния изображали людей, зверей и фантастических существ. На каменных лицах и мордах застыло выражение невыразимого страдания.

Звуки наших шагов то беззвучно таяли, то отражались от каменных стен, и тогда казалось, что кто-то шел за нами следом, стремительно и неотвратно – в тревоге я не раз озиралась, пока Кассиус, посмеиваясь, не успокоил меня:

– В этом доме живет странное эхо. У него свой характер: оно любит пугать гостей. Вы привыкните, Камилла. Это всего лишь старая архитектура, ничего более. Дому без малого четыреста лет. Но привидений здесь никто и никогда не видел.

Коридоры третьего этажа носили следы переделок и обновлений. Сумрак рассеивали стеклянные колбы в корпусе из бронзовой проволоки, внутри которых ярко горели два раскаленных стержня.

– Не магия, – пояснил Кассиус, – это электричество. Любопытное старинное изобретение, ныне забытое. Господин Дрейкорн любит выискивать подобные штуки и давать им новую жизнь.

– Господин Дрейкорн маг? – осторожно поинтересовалась я, с недоумением прислушиваясь к нарастающему шуму: ритмичный стук, гул, шипение.

– Да, теург-механик второго ранга, один из лучших, но магия в этом доме почти не используется. Хозяин отдает предпочтение устройствам домагической эпохи. Например, отопление у нас паровое, в подвале стоит газовый котел. В прошлом году Джаспер, то есть господин Дрейкорн, распорядился установить водопровод и эти светильники. «Дом-у-Древа» очень стар и не терпит переделок, но, признаюсь честно, жить здесь стало намного уютнее. Лично я бы предпочел огненные кораба, солнечные стекла и прочие демоновы дары, однако здесь хозяин непреклонен. Впрочем, кое-какие магические новинки у нас имеются. В библиотеке, где вы будете работать. Скоро сами их увидите. А пока – гляньте-ка сюда!

Мы вышли в полутемный холл, заканчивающийся круглой лестничной площадкой.

Странный шум стал громче. Дальняя стена холла была забрана стеклом в стальном узорчатом переплете. Вниз и вверх уходила винтовая лестница, невесомая, точно сплетенная из стальной паутины. От стены во все стороны разбегались медные трубы,

▲провода; за стеклом что-то двигалось, шипело. С удивлением я разглядела, что внутри

стены прятался гигантский, сложный механизм. Крутились шестеренки, ходили поршни.

Казалось, я очутилась внутри старинной музыкальной табакерки – была такая у владельца аптеки в Олхейме, и он заводил ее на потеху желающим за пару сентимов. Нет, скорее механизм походил на часть живого существа, словно кто-то вскрыл гигантскую грудину, обнажив неустанно работающие органы.

– Механическое сердце Дома-у-Древа, – пояснил господин Ортего. – Его установил сам

господин Дрейкорн. Работает оно от газового котла в подвале. Котельную мы называем

чревом Дома, – Кассиус улыбнулся шутке. – А вот эти провода и трубы – его жилы, сосуды и нервы. Они помогают согреть и осветить комнаты, подать воду и свежий воздух.

– Это магия? – зачарованно спросила я.

– Нет, тоже старинная, домагическая техника. Весьма модное увлечение среди теургов.

Эти господа любят показать, что хотя и дарят миру магический прогресс, сами помнят

об истоках, примитивных человеческих технологиях и так далее. У Джаспера это увлечение переходит все границы.

Мы вернулись и прошли дальше по коридору. Управляющий шагал скоро, легко, небрежно заложив руку за лацкан сюртука из дорогой шерсти; у дверей останавливался

и галантно пропускал меня вперед. К такому обращению я была непривычна, стеснялась, неловко благодарила.

Кассиус продолжал рассказывать:

– Сердце, чрево, жилы, нервы дома – все это требует тщательного ухода. Джаспер любит сам с ними возиться – не брезгует испачкать руки по локоть в машинном масле.

Пока его нет, к нам приходит мастер Картезиус. Он приводит механизмы в порядок, если дом принимается капризничать.

Все это было так интересно, что я осмелела:

– Вы говорите о доме, словно он живое существо. Сердце, чрево, жилы... может еще и душа у него есть? – спросила я простодушно.

– А как же, – ответил управляющий и подарил мне смеющийся взгляд. – Есть и душа. Только она мертва.

Я захлопала глазами.

– Душа дома – древо Ирминсул, – пояснил управляющий. – Дом построили вокруг него и ради него. Вы ведь видели ветви, торчащие из кладки башни?

Засохшее дерево, такое древнее, что саженцем оно видело основание Аэдиса. Препные обитатели этого квартала считали Ирминсул источником природной магии.

Но Ирминсул погиб двести лет назад и никогда более не возродится. Теперь он не более чем мертвая деревяшка, оригинальное украшение башни «Дома-у-Древа».

Мы дошли до конца коридора. Кассиус распахнул резную дверь и пригласил войти.

– Ваша комната, Камилла. Прошу, располагайтесь. Вам нужен отдых и хорошее питание. Ужин принесут прямо сюда. Вот сонетка: позвоните, если понадобится. К работе приступите завтра.

С этими словами господин Ортего раскланялся и оставил меня одну.

Первым делом подошла к стрельчатому окну. Оно выходило на узкую открытую галерею с резным каменным парапетом. Оттуда открывался красивый вид на Императорский парк; мне сразу же захотелось попасть наружу, но для этого пришлось бы лезть в окно, и я дала себе слово позднее поискать выход в коридоре.

Комната была небольшой, довольно светлой и просто обставленной. Столик, кресло, старинный шкаф с филенками из потемневшего дерева с резными фигурками волшебных единорогов и старинных крепостей. Милая вещица и, должно быть, ценная. ♣У стены стояла уютная кровать под темно-синим узорчатым покрывалом: туда-то я и устремилась. Села, скинула обувь и облегченно вздохнула. Блаженство! Хотелось сидеть, не двигаться и ни о чем не думать, хотя поводов для размышлений было предостаточно.

Все складывалось настолько хорошо, что вызывало определенную тревогу. Станный дом, странное собеседование на странную вакансию. Мне не задали никаких дополнительных вопросов, не расспросили ни о чем; при этом казалось, что господин Ортего был крайне заинтересован в том, чтобы всеми силами удержать меня в доме покойного лорда-архивариуса Клаудиуса Дрейкорна.

Немало занимал меня и отсутствующий хозяин, теург-механик второго ранга Джаспер Дрейкорн. Простые люди робели и трепетали перед теургами и магами всех мастей; как иначе относиться к людям, чьи руки по локоть в крови несчастных, которых сотнями гибнут на жертвенных алтарях империи? В моей общине старейшины неустанно посыпали теургов проклятиями на вечерних и утренних молитвах, называя их «чернейшими Отроками Тьмы». И вот теперь один из них дал работу и кров.

Дом меня заинтересовал, но при этом насторожил своей непривычной атмосферой. Если говорят правду, и жилище всегда похоже на хозяев, то портрет господина Джаспера Дрейкорна вырисовывается не самый приятный. И пусть он даже не приветствует

магию

в своем доме, жертвенный алтарь тут наверняка имеется: я успела заметить, что на одной из стен вестибюля висела коллекция старинных ритуальных ножей с золотыми рукоятками.

Резалинда рассказывала немало историй о девушках, приезжающих в столицу и попавших в беду. Сейчас я могла стать одной из них. За меня заступиться некому. Если теургу для его экспериментов срочно понадобится человеческая жертва, я могу некстати оказаться под рукой, и плевать он хотел на законы.

Тут я вспомнила лучистые серые глаза господина Ортего, его искреннюю заботу и невольно улыбнулась – нет, представить его в роли сообщника злодея я решительно не могла. А вот дворецкого с татуированными щеками и, в особенности, усатого стряпчего – запросто.

Силы внезапно меня оставили и я, отмахнувшись от тревожных мыслей, упала на подушку, закрыла глаза и немедленно провалилась в сон.

Меня разбудил стук в дверь. От внезапного пробуждения сердце колотилось, и я никак не могла понять, где нахожусь.

На неяркий голубой ковер на полу падали золотистые лучи. День близился к закату. В комнате было тепло, приятно пахло сухой лавандой и мебельным воском. В незнакомом месте я спала всего лишь второй раз в жизни, но, как ни странно, чувствовала себя вполне комфортно.

Стук повторился; я открыла дверь. За ней оказался Пикерн – он принес мой саквояж. Рядом с Пикерном обнаружилась фигуристая девица в сером платье служанки с подносом в руках.

– Ваш ужин, – сурово объявил Пикерн. – Это Эрина. Если что-то понадобится, обращайтесь к ней. Ванна в конце коридора. Завтрак в восемь внизу.

Девица уставилась наглыми насмешливыми глазами. На ее лице легко читалось, что она думает по поводу моей внешности и статуса. Эрина считала, что я стою много ниже ее во всех отношениях и не собиралась проявлять дружелюбие. Я знала этот тип самоуверенных столичных служанок. Им только дай повод позубоскалить над невзрачными провинциалками вроде меня.

Когда Пикерн и Эрина покинули комнату, я устроилась в кресле у столика и приступила к ужину. Овощной суп оказался невероятно вкусным, но только распалил мой

аппетит; я чувствовала, как с каждой ложкой во мне просыпается зверский, необузданный голод. За несколько недель вынужденного воздержания желудок смирился с отсутствием пищи, но теперь яростно требовал наверстать упущенное.

После ужина – слишком легкого, на мой взгляд, – отправилась на разведку. В конце коридора нашла ванную комнату с водопроводом и долго с удовольствием ее изучала.

В общине мы жили по старинке: обходились чуть теплой водой в тазу, а в столице я невероятно страдала от невозможности хорошенько помыться. Доходный дом госпожи Резалинды был убогим даже по меркам Котлов. Ванная для постояльцев – одна на весь дом. В ней имелись ржавые протекающие трубы, единственный кран с холодной водой, невероятно грязная крохотная раковина и мохнатые пауки размером с мышь.

Я с удовольствием поворачивала фарфоровые вентили в форме изящных лилий и слушала, как ласково журчала струя чистой горячей воды в бронзовой сидячей ванне на изогнутых ножках. Видимо, установили ее недавно. Я вознесла мысленную благодарность гран-мегисту Джасперу Дрейкорну, решившему осовременить замшелый дом своих предков.

Далее взялась обследовать коридор. Далеко заходить не решалась. Здесь я была пока чужаком, и дом давал это почувствовать: пугал темными углами, зловещими резными изображениями на панелях, глухим недобрый эхом.

Мне никто не попался на пути, не были слышны голоса, а на светильниках и рамах картин виднелась пыль, как будто прислуга лишней раз не заходила в коридоры третьего этажа.

Стало неудобно, я поспешила назад в свою комнату и больше не выходила до вечера. Сделала короткую вылазку до ванны, чтобы освежиться перед сном, а затем заперла дверь, разобрала вещи, переделалась в ветхую ночную рубашку, залезла в кровать под толстое, теплое одеяло и уснула сразу же, как только опустила голову на подушку.

Утром я проснулась ни свет ни заря, в холодном поту. Спросонья почудилось, что я опять оказалась в общине и опоздала к утренней медитации в вечно холодный молитвенный зал. Испугавшись грядущего наказания, я села рывком, открыла глаза, увидела луч солнца, карабкающийся по резной дверце шкафа, и засмеялась от счастья. Я в безопасности, в богатом большом доме, мне не надо мерзнуть на ледяном полу в келье Смирения в общине Олхейма, не надо бродить по мрачным улицам Предгорода и размышлять, где найти еды. Мои беды закончились – хотя бы на время.

Я весело поднялась и привела себя в порядок. Настало время спускаться к завтраку. К сожалению, у меня не было другой одежды, кроме двух традиционных серых бесформенных платьев и одного черного с белым воротником, которое девушки в

общине

надевали на праздники. Если все получится, и я останусь тут работать, то смогу, наконец, купить себе удобные, красивые городские наряды.

Я предполагала, что буду питаться вместе со слугами, но не знала, где искать их столовую, а звонить в сонетку и спрашивать постеснялась, поэтому решила найти лестницу и спуститься, в надежде встретить кого-нибудь по пути.

Однако стоило выйти в коридор, я увидела спешащего навстречу господина Ортего. Этим утром он имел изрядно помятый вид. Волосы взъерошены, глаза покраснели, а костюм выглядел так, будто Кассиус не снимал его на ночь. От управляющего пахло вином и несвежим сигарным дымом. Заметив меня, он расцвел радостной улыбкой.

– Камилла! – вопреки всему, голос Кассиуса был полон солнца и энергии. –

Прекрасно

выглядите – отдых пошел вам на пользу. Идите же завтракать. Сегодня вас ждет необыкновенный день!

– О, насколько в этом не сомневаюсь, – искренне ответила я.

Я заразилась жизнерадостным настроением Кассиуса и теперь с нетерпением ожидала, когда смогу приступить к работе. Отец всегда называл меня умной и любознательной девушкой, и я решила, что мое упорство искупит недостаток навыков. Учусь я быстро, тяжелого труда не боюсь: у меня обязательно все получится.

Кассиус привел меня в небольшую столовую на первом этаже. Оказалось, статус секретаря позволял мне делить трапезу вместе с управляющим, а не с Эриной и прочими слугами.

В столовой ожидал неприятный сюрприз. На одном из стульев за столом вальяжно расположился стряпчий Оглетон и с удовольствием завтракал.

Приборами он не пользовался, предпочитая услуги своего бес-лакея. Жестом дирижера

Оглетон наводил наманикюренный указательный палец на выбранное блюдо, изящно шевелил пухлым мизинцем и делал ловкий пасс. Дымящиеся кусочки мяса и овощей легко взмывали над тарелкой, затем, повинаясь неуловимому движению кисти, совершали крутой пируэт и стремительно ныряли к деликатно приоткрытым губам.

Я заворожено наблюдала, как крошечные ломтики тушеного сельдерея и мяса вальсировали над столом; жирные капли подливы нет-нет да срывались на белоснежную скатерть. Над столом, едва видимая, колыхалась подвижная тень.

Когда мы заняли места, Оглетон приступил к сладкому. Перед вензелями усов парило пирожное с пышной шапкой взбитых сливок. Стряпчий облизнулся в предвкушении, приоткрыл рот, смешно вытянув губы трубочкой, но поймал мой взгляд и брезгливо нахмурился.

Ему не стоило отвлекаться: пирожное покачнулось, щедро мазнуло взбитыми сливками пухлый подбородок и сочно шлепнулось на скатерть. Белые хлопья густо осели на приборах и лацканах дорогого костюма. Оглетон смачно чертыхнулся и потянулся за

салфеткой, подарив мне неприязненную гримасу. Кассиус расхохотался и сел за стол.

– Поделом тебе, Огастас. Кстати, не забывай – Джаспер не терпит демонических слуг в доме. Потрудись сам себя обслуживать.

– Ах, брось, – сердито воскликнул толстяк. – Джаспера сейчас здесь нет. А ты завидуешь, что не можешь позволить себе такого же бес-лакея. Советую меньше торчать в игорных клубах, и тогда у заведутся лишние деньги. Вижу, ты опять не ночевал дома.

Кассиус беззаботно пожал плечами. Он очень хотел спать, его лицо то и дело сводило судорогой, когда он пытался сдержать позевывания. Тем временем салфетка сама собой выпорхнула из наманикюренной руки стряпчего и принялась стирать кремовые потеки с усов и щек. Кассиус искоса наблюдал.

– При всем моем уважении к магии, должен отметить, дорогой Огастас, сейчас ты выглядишь как последний кретин, который без помощи бес-лакея и ложку ко рту поднести не состоянии.

– В свою очередь вынужден сообщить тебе, уважаемый Кассиус, что нынче утром ты напоминаешь пропойцу и бездельника, просадившего ночью за картами последние деньги.

Я слушала их перепалку и старалась обрести уверенность. Я сидела за столом с посторонними мужчинами, и меня это смущало. В общине на ежедневной общей трапезе мужчины и женщины сидели за отдельными столами, в остальное время каждый ел в кругу семьи. Пока я бедствовала в столице, постоянный голод приучил меня не обращать внимание на компании, с которыми я была вынуждена делить стол в грязном трактире; теперь же я стеснялась до невозможности. Кроме того, нервировала еле различимая тень, медленно кружившая вокруг стряпчего.

Кассиус указал на буфет, на котором были выставлены несколько блюд и лежали приборы. Я робко взяла тарелку, набрала всего понемногу и неловко пристроилась на свободный стул напротив Кассиуса.

Мне стоило немало усилий сдерживаться, чтобы не наброситься на еду с яростным остервенением. Но Кассиус и здесь проявил понимание. Он на все лады расхваливал кухарку и неустанно предлагал попробовать все блюда, что стояли на буфете. Отказываться я не стала, но все же проявила благоразумие и решительно положила вилку и нож, когда утолила голод лишь наполовину.

Избыток сытной еды может с непривычки опьянить, а мне предстояло первый раз приступить к работе. Если все пройдет хорошо, потом наверстаю, когда освоюсь в этом доме и займу в нем постоянное место.

Кассиус налегал на черный кофе, а потом позвонил и попросил Пикерна принести рюмку бренди, после которой несколько взбодрился.

▲После завтрака мы прошли в кабинет управляющего. Комнату я узнала – тут проходили испытания. Вчера от волнения я не смогла ее рассмотреть, и теперь поспешила хорошенько оглядеться.

Окна выходили на восток, и утреннее солнце щедро заливало широкий рабочий стол, за который мы чинно уселись. Наверное, это была самая светлая комната во всем доме, где, как я успела заметить, предпочитали полусумрак.

Кабинет был просторный, обставленный мебелью из желтовато-коричневого дерева. На потолке и стенах пастельного цвета играли солнечные зайчики, отражающиеся от начищенных латунных ручек книжных шкафов и хрустального пресс-папье. В углу стоял странный агрегат, похожий на небольшой клавесин. В лакированном сферическом корпусе разместились медные спицы, поршни, черный валик, какие-то ленты и множество клавиш из слоновой кости.

Заметив мой заинтересованный взгляд, Кассиус ласково похлопал лакированный бок и пояснил:

– Скоропечатающая машина, еще одна вещь домагической эпохи. Господин Дрейкорт восстановил ее по старинным чертежам.

Оглетон презрительно фыркнул:

– Никогда не мог понять любви Джаспера ко всякой примитивной рухляди. Магические копировальные доски куда удобнее. Их уже всю применяют в придворной канцелярии.

– Ну, не скажи, – возразил Кассиус. – Они еще весьма недоработаны и славятся капризным нравом. Говорят, одна из них вставила картинку фривольного содержания в копию адмиральского указа. А все потому, что недотепа-секретарь до этого украдкой размножил для друзей пикантные литографии. Вот ваш договор, Камилла, – он передал папку. – Кстати, он как раз напечатан вот на этой «примитивной рухляди», как изволил выразиться наш достопочтенный стряпчий.

Я пробежала глазами текст; так и есть, двести декатов первые два месяца, в течение испытательного срока, четыреста декатов потом. Просто невероятно.

Мои обязанности: составление описи личной библиотеки, ведение документов, исполнение поручений по усмотрению хозяина. На первый взгляд, ничего сложного.

А вот еще одна строка... «Сей договор вступают в силу только после заключения Дополнительного Соглашения о Неразглашении на особых условиях».

– Господин Ортего, – нерешительно спросила я. – Что означает этот пункт? Какие особые условия я должна выполнить?

– Это означает, милочка, – развязно влез в разговор стряпчий, – что мы не хотим, чтобы вы трепались на каждом углу о том, что узнаете или, не дай бог, ненароком подслушаете в этом доме. Вы даете клятву хранить тайну, и даете ее, будучи введенной в магнетический транс. Явление магнетизма, также известного как гипноз – это...

– Я знаю, что такое магнетизм, – невежливо перебила я толстяка. Еще бы мне не знать!

Один из излюбленных методов Просветленного старейшины. Правда, он называл его «воспитанием через духовное подчинение», но суть была та же – затуманить разум, подавить волю.

Я знала, как избежать гипнотического воздействия – отец научил паре простых приемов, помогающих сохранить ясность рассудка, но рассказывать об этом Оглетону не спешила.

Обманывать будущего работодателя нехорошо, но неестественное подчинение чужой воле вызывало у меня отвращение. Да и одним обманом больше, одним меньше – какая разница? Я и так сумею сохранить секреты этого странного дома.

Кассиус поспешил успокоить:

– Камилла, не подумайте, что мы вам не доверяем. Это условие – защита от всяких неприятных случайностей. Так вы не сможете рассказать о том, что не следует знать посторонним, даже если вас будут принуждать. Магическое воздействие на разум запрещено, а вот гипноз используется повсеместно. Господин Оглетон опытный судебный гипноманипулятор. Кроме того, вы заранее ознакомитесь с текстом клятвы, и после выхода из транса будете помнить абсолютно все.

Оглетон молча протянул мне второй листок.

Текст на листке гласил:

«Я, Камилла, подписывая сей договор, приношу клятву перед лицом присутствующих здесь.

Клянусь хранить тайну обо всех действиях, кои мне поручено выполнять по условиям сего договора.

Клянусь хранить тайну обо всех распоряжениях, кои исходят от моего хозяина.

Клянусь хранить тайну обо всем, что происходит в стенах сего дома.

Я получаю право раскрыть вышеперечисленное лишь тогда, когда любое названное ниже лицо произносит слова «Дозволяю тебе, Камилла, говорить» и называет слово-ключ, кое есть «Вайверн».

На подлинном подписали:

Кассиус Ортего, управляющий делами гран-мегиста Джаспера Дрейкорна, теурга второго ранга,

Огастас Оглетон, стряпчий, член Императорской Адвокатской Палаты, лицензированный судебный гипноманипулятор».

– Ну? – нетерпеливо спросил стряпчий. – Приступаем к процедуре? Или отправляетесь восвояси, а мы идем искать кого-то другого? Надеюсь, вы выберете второй вариант.

– Я готова, – решительно сказала я.

– Отлично! – обрадовался Кассиус. – Садитесь сюда и делайте все, что скажет господин Оглетон.

Тот приблизился с недовольным видом. Велел сесть к нему лицом, положил на стол копию соглашения и самопишущее перо. Бесцеремонно схватил за запястья потными липкими ладонями, подержал, как будто слушая пульс, резко отпустил.

Затем выудил из жилетного кармана блестящий дорогой хронометр, сунул мне под нос и внезапно заговорил обволакивающим, глубоким голосом, совсем не похожим на его обычный фальцет.

– Камилла. Вы смотрите на хронометр. Вы не отводите взгляд. Вы слышите мой голос. Вы расслабляетесь. Вы дышите глубоко. Вы делаете, что я говорю.

Стряпчий повторял эти слова снова и снова, а я постаралась принять бессмысленное, вялое выражение лица, которое я наблюдала у послушников, когда Просветленный старейшина принимался читать на проповедях формулы духовного подчинения.

Стряпчий неплохо знал свое дело, и это застало меня врасплох. Ноги внезапно онемели, сердце пронзила ледяная игла. Заливающий комнату яркий солнечный свет как будто начал гаснуть, а тиканье хронометра становилось все громче и громче, пока не заполнило всю комнату. Удары вошли в ритм со стуком моего сердца; стало трудно дышать.

В воздухе за спиной Оглетона четко проявилась черная тень с непропорционально гигантской головой и паучьими ногами. Демонический слуга нависал неподвижно и угрожающе, то ли терпеливо ожидая очередного приказа, то ли собираясь поглотить своего хозяина. Внезапно тень качнулась вперед, как будто желая приблизиться ко мне.

Я ощутила сильное беспокойство и усилием воли абстрагировалась от монотонного бормотания. Начала вспоминать слова любимой детской считалки, мысленно старательно проговаривая каждое слово – и это помогло. Морок отступил, мир вернулся в привычную реальность. Призрачная фигура демона медленно растворилась; теперь я с

трудом могла различить его.

А Оглетон тем временем продолжать утробно вещать:

– Вы берете этот документ. Вы читаете вслух клятву. Вы ставите свою подпись.

Я взяла соглашение и начала читать текст клятвы невыразительным тихим голосом. Закончив, взяла перо и медленно вывела свою подпись. Оглетон произнес громко:

– На счет «три» вы просыпаетесь и встаете. Раз, два, три!

Я поморгала, изображая выход из транса.

– Готово, – заявил стряпчий. – Можете забирать ее, Кассиус. Но я все равно не советую доверять ей безоговорочно. От этих уличных проходимцев всего можно ожидать.

Особенно от тех, кто не брезгует рыться в мусорном баке, чтобы выудить выброшенную газету.

Затем невозмутимо отвернулся и, насвистывая, принялся собирать документы в кожаную папку. У меня от стыда запылали уши – выходит, стряпчий меня запомнил и видел, что произошло после нашей стычки.

Кассиус подошел ко мне, протянул руку, помогая встать со стула и, улыбаясь, произнес:

– Ну вот, теперь вы приняты на должность секретаря гран-мегистра Джаспера Дрейкорна. Готовы приступить к работе? Тогда идем в библиотеку!

Библиотека занимала второй и третий этажи доброй половины правого крыла и поражала размерами и небывалым запустением. Зайдя внутрь и оглядевшись, я не знала, восхищаться мне, или огорчаться.

Мы оказались в прямоугольном двухэтажном зале со сводчатым потолком, каждый дюйм которого покрывали потемневшие от времени, но все еще яркие фрески. Вдоль стен тянулись шкафы, украшенные резьбой и благородной позолотой. Винтовая лестница с ажурными коваными перилами вела на верхний ярус, где располагалась галерея, также заставленная шкафами. Рассеянный золотистый свет падал через полукруглые витражные окна-фонари у потолка; у книжных полок красовались массивные бронзовые электрические светильники.

Приятно пахло старой бумагой, благородной плесенью и чуть-чуть корицей – запах книгохранилища, который невозможно спутать ни с чем другим.

Однако среди всего этого великолепия царил невероятный кавардак. Кожаные позолоченные корешки на полках стояли вкривь и вкось. На темном восьмиугольном столе посреди зала были небрежно свалены горы книг. На креслах валялись пожелтевшие бумаги и листы пергамента.

Кассиус неловко откашлялся.

– Здесь вам и предстоит трудиться, Камилла, – печально объявил он. – Это семейная библиотека рода Дрейкорнов.

– Что тут произошло? – не удержалась я от вопроса. – Здесь как будто ураган бушевал!

– В последние месяцы жизни покойный архивариус вел себя странно, – пояснил Кассиус. – Он скупал товар в букинистических лавках без разбора и притаскивал все сюда. Выгнал старого библиотекаря, вытащил собрания книг из шкафов и заявил, что сам займется их каталогизацией по новому принципу, но, как видите, так ничего сделано и не было. После его смерти у Джаспера было полно других забот, а слуг он сюда пускать не любит. Пришло время привести все в порядок. Вам предстоит немало работы, Камилла.

– Я должна здесь прибраться?

▲– Не только. Теперь вы заведуете всем, что находится в этом зале. Вы должны привести в порядок описи, расставить книги по шкафам. Дело это непростое. Здесь собраны книги разных эпох, на разных языках. Многие посвящены магии. Некоторые тома имеют весьма неприятные свойства, требующие особых мер предосторожности. Поэтому библиотекарь должен уметь многое. Ну как, справитесь?

– Конечно! – уверенно ответила я, и даже сама почти поверила в свои способности усмирить хаос, который творился в семейной библиотеке Дрейкорнов. У меня была куча вопросов, но я пока решила прикусить язык и послушать, что еще расскажет дружелюбный господин Ортего. А тот внезапно добавил серьезным тоном:

– Теперь слушайте внимательно. Ваша главная обязанность заключается в другом. Среди всех этих собраний и коллекций вы должны найти несколько особенных книг. Нам неизвестны их названия, неизвестен их автор. Скажу только, что все эти книги изданы до девятого года Эры Магии. На одном из листов книги или на ее форзаце, или на обложке будет рукописный знак – вот такой, вы его уже видели.

Кассиус достал из кармана пожелтевший листок – тот самый, что давал мне вчера на испытании – и указал на символ, похожий дракридскую руну змеи.

– Вы должны внимательно просмотреть каждую книгу подходящего периода, и если вы найдете в ней этот символ – немедленно несите книгу мне. Это очень важно. Дополнительно к жалованию вы получите десять декатов за каждый найденный символ.

Меня распирало от любопытства, но я продолжала хранить молчание, и только кивнула с умным видом.

Кассиус провел меня к столу в центре зала.

– А теперь о мерах предосторожности. Как вы знаете, первые маги Темных лет любили защищать свое имущество далеко небезобидными способами, пока это не запретили в начале прошлого века. Поэтому всегда надевайте перчатки, когда берете книгу, изданную до года принятия Второго Пакта. И никогда, ни при каких обстоятельствах не выносите ни единой книги из библиотеки. Это единственное место, которое защищено от взлома. Вот, например, посмотрите на этих двух красавцев – подарок самого канцлера.

Я проследила за жестом Кассиуса и подпрыгнула от неожиданности. У входа в библиотеку, ранее не замеченные мной из-за плохого освещения, высились две фигуры со странными пропорциями тела.

Кассиус поманил, и я неохотно подошла ближе. Фигуры вызвали у меня смутную тревогу и отвращение.

Раза в полтора выше среднего человеческого роста, кошмарные существа прямо стояли на двух ногах и были искусно собраны из механических деталей и мумифицированных частей тел животных. Латунные стержни, поршни, прозрачные трубки, наполненные бурой жидкостью, и еще какие-то приспособления вращались в оголенные суставы и кости. Сильные, мощные ноги крепко упирались в мраморный постамент. Руки – или лапы? – заканчивались длинными когтями-серпами. На крепкой шее и широких плечах, перевитых упругими, похожими на медную проволоку мускулами и сухожилиями, сидела непропорционально маленькая голова непонятного зверя. Острая морда была похожа на собачью, но я никогда не видела у собак такой огромной, почти крокодильей пасти с невероятно острыми прямоугольными зубами.

Существа стояли совершенно неподвижно и выглядели как большая фантазия таксидермиста, мечтающего стать механиком.

– Это некрострукты, – пояснил Кассиус. – Последняя магическая разработка придворного теурга-механика Кордо Крипса и его демонов. Сделаны из частей животных

– например, у этих голова левкротты, а в теле есть органы медведя и гиены. Разумом

они, конечно не обладают. Это всего лишь автоматы, сделанные из необычного материала. Эти созданы, чтобы охранять. Они не позволят проникнуть в библиотеку чужаку. Сейчас вы прошли со мной, и я не подал сигнал опасности, поэтому они никак

не отреагировали. Подойдите ближе, Камилла, я должен вас им представить, чтобы вы

могли находиться здесь без сопровождения.

♣Я неохотно приблизилась. Возможно, это было лишь мое воображение, но мне казалось,

что от некроструктов исходит неприятный запах тления, бальзамирующих веществ и машинного масла.

Кассиус указал на небольшое пятно на широкой, покрытой свалявшейся бурой шерстью груди одного из существ и попросил меня положить на него руку. Я стиснула зубы от отвращения и выполнила просьбу. Мертвая сухая шерсть неприятно кольнула ладонь. Меня передернуло, по спине побежали мурашки.

Кассиус тем временем достал остроконечный блестящий брелок на цепочке, вытянул руку и быстро очертил на плоском собачьем лбу сложный символ, который на секунду вспыхнул белым и тут же погас. Мы перешли ко второму существу и повторили процедуру.

– Теперь они вас знают, и вы можете спокойно находиться здесь. А вот грабителю не поздоровится.

Кассиус отступил на шаг и, окинув некроструктов восхищенным взглядом, констатировал:

– Поистине изумительное произведение магического искусства.

– Интересно, какова была цена сделки с создавшими их демонами? – не удержалась я.

– Что? – Кассиус глянул на меня с удивлением. – Думаю, немалая. Имитация жизни всегда обходится дорого, но придворные теурги готовы принести любые жертвы. В конце концов, они могут себе это позволить – в тюрьмах полно осужденных на казнь.

Я была в ужасе, но Кассиус этого не заметил.

– Вон у того шкафа, – указал он на неприметную дверь в углу зала, – вход в рабочий кабинет библиотекаря. Магическими книгами занимайтесь только там.

Кабинет дополнительно защищен от всяких неприятных эффектов, коими первые чернокнижники любили наделять свои гримуары. Там же вы найдете каталоги и подробные указания по работе с описями. Их лично составил господин Дрейкорн – я имею в виду Джаспера – для нового библиотекаря. Думаю, вы найдете их весьма полезными. Я попрошу дворецкого прислать помощницу, чтобы разобраться с пылью и мусором, но пожалуйста, не оставляйте ее в библиотеке одну. И помните о мерах предосторожности! Если книга окажется защищена, немедленно снимайте чары – надеюсь, вы хорошо умеете это делать? Вы говорили, вас учили этому в школе? Ну что же, тогда приступайте. Я буду в своем кабинете, и перед обедом загляну проверить, как у вас идут дела. Если у вас появятся вопросы, поберегите их на потом, договорились? Сейчас у меня много важной работы, я должен срочно ей заняться.

Я промывчала что-то невразумительное. Кажется, работа библиотекаря будет куда сложнее, чем мне представлялось сегодня утром. Однако признаться в своем невежестве я пока была не в силах, поэтому стояла, молча и беспомощно, пока Кассиус желал удачного первого дня работы, а затем стремительно шел к выходу. Я подозревала,

что до
обеда он просто собирается вздремнуть на диване в своем кабинете, и не хочет,
чтобы
его беспокоили.

Дверь хлопнула, и я осталась в мрачном великолепии библиотеки одна-одинешенька,
не
считая отвратительных стражей.

В зале воцарилась звенящая тишина, и я сразу почувствовала себя маленькой и
потерянной.

Глубоко вздохнула, тряхнула головой и вполголоса произнесла, обращаясь к
некроструктам:

– Отчего бы нам не познакомиться поближе? Тебя я буду звать Калобом, – я ткнула
пальцем в левого стража, который, казалось, подозрительно изучал меня мертвыми
стеклянными глазами.

– А тебя я буду звать Кальпурнией, в честь кошки моей бывшей квартирной хозяйки,
–
↗обратилась я к правому стражу, морда которого мне показалась чуть более узкой и
изящной, чем у первого.

Стражи оставались мертвыми и недвижимыми.

– Надеюсь, мы поладим, – пробормотала под нос и направилась к входу в кабинет
библиотекаря, нервно оглядываясь, чтобы не упустить некроструктов из виду.
Пройдет
немало времени, прежде чем я смогу привыкнуть к созданиям, сотворенным из
металла
и частей мертвых существ ценой смерти других существ.

Я медленно обошла библиотеку, разглядывая резные панели и каменные барельефы,
украшающие простенки между окнами. Барельефы изображали переписчиков с
одухотворенными лицами и ученых мужей, изучающих длинные свитки. Одна из фигур
привлекла внимание, и я приблизилась, чтобы рассмотреть ее.

С каменной панели на меня самодовольно взирал толстый бородач в монашеской
одежде. В одной руке он держал факел, в другой – книгу, а ногами опирался на
стяг, на
котором были выбиты четыре слова на староимперском.

Этот персонаж был мне знаком – брат Борг, Книгоненавистник. Я читала о нем в
старом
отцовском учебнике. Борг прославился тем, что, заняв пост понтифекса-
инквизитора,
принялся сжигать книги, их авторов и переписчиков. «Книга искажает слово Света;
печатные буквы похожи на жуков, что изъедают мозг верующего, – утверждал он. –
Закрой книгу, открой глаза». Готова поклясться, что именно эти четыре слова и
красуются на каменном стяге. Скульптор, разместивший этот барельеф в библиотеке,
обладал странным чувством юмора.

Пора было приступать к работе. Я подошла к невысокой двери, прячущейся в углу

между

книжными полками, взялась за медную ручку в виде древесного сучка, потянула, и оказалось в узкой камерке с высокими потолками.

Убранство камерки скорее походило на лабораторию алхимика, чем на кабинет библиотекаря. Стены и потолок отделаны грубым шероховатым камнем. К немалому удивлению я заметила, что потолок был местами закопчен, как будто его когда-то лизнуло пламя, а на стене слева видны грубые щербины, похожие на следы от удара саблей.

У правой стены стоял узкий железный шкаф, чугунный переплетный пресс и небольшой умывальник.

У дальней стены – изящный рабочий стол с инкрустацией, керосиновая лампа под зеленым абажуром и письменный набор. Медный кракен оплетал уродливыми щупальцами часы, чернильницу, и подставку под самопишущие перья и карандаши. Всю стену над столом занимал ржавый механизм, состоящий из множества дисков, циферблатов, стрелок и шестерен. С удивлением я узнала в нем точную копию Астрариума – Небесных Часов, украшавших небо над Аэдисом.

На кресле у стола лежали вещи, по-видимому, некогда принадлежавшие бывшему библиотекарю: длинный синий рабочий халат, плотные краги до локтей и круглые защитные очки – медные, обшитые кожей и снабженные подвижным увеличительным стеклом на шарнире. Странное снаряжение для работы в библиотеке. Впрочем, халат оказался весьма кстати, потому что я уже перепачкалась пылью с головы до ног. Я немедленно в него облачилась: халат был велик, полы волочились по земле, а рукава пришлось подвернуть.

Я взяла со стола стопку бумаг и поняла, что это были указания от хозяина, которые упомянул Кассиус. Плотные листы, исписанные четким мужским почерком, содержали весьма подробные инструкции. Были они составлены короткими, рублеными предложениями, как будто писавший отдавал боевые приказы. Я решила, что мой неведомый хозяин либо был ужасным педантом, либо решил подстраховаться на случай, если новый библиотекарь окажется туповат. Во втором случае он, пожалуй, не ошибся. С такими указаниями даже я смогу легко втянуться в работу.

Дверца железного шкафа нуждалась в хорошей смазке: открылась она с ужасным скрипом, от которого мороз продрал по коже. Внутри обнаружили каталожные карточки. Разобраться в них удалось быстро. Ничего сложного, примерно таким же образом велся учет книг в нашей школе при общине.

В камерке было душно и неуютно без окон, поэтому я решила вернуться в библиотеку и навести порядок на столе в центре зала. В камерке я нашла краткий библиотечный реестр, позаимствовала у медного кракена чернильницу, самопишущее перо и карандаш, принесла и разложила все на краю одной из граней восьмиугольной столешницы, и опустилась на низкое кресло, больно ударившись коленом о резную голову льва у основания.

В очередной раз покосившись на недвижных некроструктов у двери, придвинула к себе первую книгу, с которой мне предстояло разобраться.

Книга была старой, пожелтевшей, потрепанной, и называлась «Нравоучительные разговоры, сочиненные для наставления юных барышень» за авторством некой Жустины Гарди. На форзаце, под изящным рисунком, изображавшем волоокую девицу с пышной прической, был указан год – 1534. Значит, издана еще до Эры Магии.

И тут я вспомнила об особой просьбе Кассиуса. Среди старых книг мне следовало искать те, на которых где-то там нарисована руна змеи. Придется листать от корки до корки все подходящие книги.

Вздыхнув, я вернулась к «Нравоучительным разговорам». Покрутила книгу и так и сяк, изучила форзацы, тщательно пролистала все страницы – даже на свет некоторые посмотрела. Никакого знака нет. Прощайте десять декатов. Теперь следовало проверить, была ли книга уже включена в каталог и, если понадобится, заполнить опись по образцу. В реестре «Разговоры» нашлись, и я пошла на поиски шкафа, чтобы определить книгу на ее законное место.

Однако не успела я подняться из-за стола, как дверь библиотека распахнулась и в дверях появилась недовольная Эрина с ведром и тряпкой.

– Могу войти? – резко поинтересовалась она, нервно поглядывая на некроструктов. Удивившись, я произнесла:

– Да, входи.

Эрина быстро проскочила стражей, втянув голову, как будто опасаясь удара. Стражи не пошевелились.

Служанка прошла к столу, бухнула ведро на ковер, забрызгав все вокруг и угрюмо поинтересовалась:

– Ну, чего делать-то? Меня Пикерн послал, велел тут помогать. Пыль что ль вытирать? Сами бы могли тряпку взять. У слуг и без того дел по горло.

Грубый тон служанки был возмутителен, и я усилием воли подавила колкий ответ. Мне не доводилось раньше находиться в доме с большим штатом слуг, но я понимала, что в иерархии домашней челяди я, как секретарь и библиотекарь, стою гораздо выше горничной. Даже Пикерн не позволял себе говорить со мной с открытым пренебрежением. Следовало поставить хамку на место, но я не умела этого делать и растерялась.

– Протри пыль на этом столе, пожалуйста, – холодно произнесла я. – А затем займись
вон теми полками и перилами на лестнице и галерее.

Эрина зыркнула на меня густо подведенными глазами, отчетливо хмыкнула и с ленивой небрежностью принялась возить тряпкой по столу.

Я молча отнесла книгу в шкаф, села на место и взяла следующую.

– Пойду воду сменю, – буркнула Эрина, подхватила ведро и вышла, оставив мокрую тряпку на столе. От тряпки к стопке книг побежал ручеек воды. Пришлось вскочить и аккуратно все протереть, и лишь затем вернуться к работе. Может, следует пожаловаться дворецкому или управляющему? Нет, хороша же я буду, если начну ябедничать в первый же день работы. Разберусь сама.
▲Прошел час: нерадивая служанка так и не вернулась, а мне за это время улыбнулась удача.

Я заканчивала разбирать первую стопку книг. В самом ее низу обнаружился ветхий массивный том. От тома невыносимо разило плесенью – даже в руки брать неприятно. На потертой обложке можно было с трудом разобрать название – «Начальные основания травознательства и траволечения, составленные для обучения знахарей».

Старинный учебник немало повидал за свою жизнь. Страницы из тонкой пожелтевшей бумаги тут и там оборваны ровными полосами – на самокрутки. На других расплывались желтоватые пятна – то ли следы экспериментов с травяными отварами по рецептам учебника, то ли круги от кружек с пивом. Поля густо исписаны неграмотными карандашными пометками. Судя по устаревшей орфографии, их автор, любитель пива и табака-самосада, был уже лет как сто мертв.

На плотной вкладке с изображением смердянки высокогорной, прямо в середине заскорузлого желтого пятна, я увидела знак, поразительно похожий на дракридскую руну змеи. Был он аккуратно выведен красными чернилами, которые как будто переливались и слегка искрились.

Нашла! Вот награда за мою старательность и внимание. Я начинаю отрабатывать свое огромное жалованье!

Ликуя, отложила потрепанный том в сторону, чтобы позднее отдать Кассиусу.

За следующую книгу я взялась с возросшим энтузиазмом. И опять повезло! Загадочный символ отыскался в книге под скучным названием «Морской пошлинный регламент».

Меня снедало любопытство. Что означал этот знак? Почему ими были помечены столь разнородные книги? Сами по себе книги явно не представляли никакой ценности, за исключением своего солидного возраста. Я надеялась, что позднее смогу узнать больше.

Дальше работа застопорилась. Несколько старинных книг были на староимперском,

которого я не знала. В каталоге книг не нашлось. Руны в них также не обнаружилось. Я не знала, как поступить; пришлось просто копировать название книг, стараясь не допустить ошибки.

Нужно будет поискать учебник староимперского и заниматься вечерами, чтобы не попасть впросак. Мне начала нравиться моя новая работа и потерять ее из-за своей невежественности не хотелось.

Бессмысленное копирование старинной вязи отнимало много сил. С непривычки через час у меня заболела голова, и я начала осматривать завалы на столе в поисках занятия поинтереснее. Долго искать не пришлось. Мое внимание привлек громоздкий квадратный бумажный пакет, который оказался запечатан черной восковой печатью.

Я попробовала взять пакет в руки и чуть не уронила его на ногу – пакет был невероятно тяжел.

Любопытство и сомнение вели борьбу лишь мгновение; вспомнив, что Кассиус передал все содержимое библиотеки в мое распоряжение, я смело разломила хрупкий воск, развернула плотную серую бумагу и извлекла на стол три старинных книги.

Это были инкунабулы – современники эпохи зарождения книгопечатания, богато украшенные и порывевшие от ветхости. Стоили они, без сомнения, целое состояние.

Первая инкунабула имела обложку из зеленой кожи, золоченый срез и массивные медные застёжки в виде уродливых щупалец спрута – наверное, родственника того кракена, что расположился на письменном столе в каморке. От времени медь покрылась зеленоватым налетом под цвет обложки.

Я попыталась открыть застёжку, но поддавалась она с трудом: то ли механизм имел какой-то секрет, то ли его просто заклинило от старости. Наконец послышался щелчок, щупальца разомкнулись.

Осторожно, двумя пальцами, я раскрыла книгу на первой странице. Поля украшал яркий, натуралистичный рисунок тех же уродливых щупалец. В середине страницы оказалось лишь несколько строк, напечатанных крупным угловатым шрифтом, похожим на рукописный. Опять староимперский. На этот раз любопытство заставило меня порыться в каталоге, отыскать и принести из ближнего шкафа словарь. Но хитрое начертание букв запутывало и сбивало с толку; кое-как я разобрала лишь несколько слов: «бойся», «проклятый вор» и «морской вампир». Еще сильнее захотелось узнать, что за тайны скрывала зеленая инкунабула.

Я решила поискать иллюстрации, чтобы хотя бы составить представление о содержании. Но как только я взялась за угол плотного листа, произошло невероятное.

Нарисованные уродливые щупальца внезапно вспучились, покинули плоскость бумажного листа и взметнулись вверх! Они цепко оплели мой указательный и большой пальцы, которыми я коснулась страницы. Руку пронзила резкая боль, но я была так

потрясена, что даже не могла вскрикнуть: стояла в оцепенении и смотрела, как щупальца с шорохом и мерзким хлюпаньем словно вытягиваются из книги, ползут выше и выше и захватывают запястье.

Тут я, наконец, вышла из ступора и резким движением выдернула кисть из шевелящегося клубка. От рывка тяжелый фолиант подпрыгнул и гулко обрушился на пол. Щупальца на секунду свернулись в тугой клубок, затем опять выпростались на целый локоть и начали беспорядочно молотить по паркету.

Подвывая от испуга и боли, я отскочила подальше и затрясла пострадавшей рукой. Там, где щупальца коснулись пальцев, ладони и запястья, остались ярко-красные полосы и следы зеленоватой слизи, которая мучительно жгла и разъедала кожу. В панике я схватила мокрую грязную тряпку, забытую нерадивой Эриной, и начала оттирать отвратительную субстанцию. От прикосновения холодной влажной ткани боль понемногу утихла и я начала успокаиваться.

Наконец, до меня дошло, что книга была защищена магическим проклятием, но что с ним делать, я не имела ни малейшего представления. Мерзкая инкунабула лежала на полу, скрытая разделявшим нас столом. До меня доносился дробный стук, хлюпанье и какой-то треск. Я вытянула шею и всмотрелась: вместе с книгой на пол скатился карандаш в стальном футляре, и теперь щупальца оплели его и гнули в разные стороны, как будто футляр был сделан из каучука. Пожалуй, не выдерни я руку, могла бы лишиться пальцев. Потихоньку движения щупалец стали замедляться, и часть их втянулись в страницу, но приблизиться к книге я все еще не решалась.

У окна на столике стояла пыльная бронзовая чаша солидных размеров, похожая на гусятницу, которую сестра Анея пускала в дело раз в год на праздник Единения. Меня осенила идея. Я взяла чашу в руки и с трудом дотащила до середины комнаты. Весила чаша как две гусятницы с гусями в придачу. Осторожно подошла к зачарованному фолианту, который все никак не успокаивался, перевернула чашу и одним быстрым движением опустила сверху. Раздался мелодичный звон: щупальца молотили по чаше, но их сил не доставало, чтобы освободиться из плена. Постепенно звон становился все неувереннее, и, наконец, все стихло. Я перевела дыхание. Пусть книга постоит еще немного под колпаком, а потом я что-нибудь придумаю. Например, невзначай выясню, как рассеивать эти заклинания, или найду учебник, в котором об этом рассказывается. Кассиусу не стоит знать, что в магии я полный профан.

Я не сомневалась, что два оставшихся фолианта из пакета тоже были защищены магическими чарами. Следовало убрать их куда-нибудь подальше до поры до времени. Я осторожно подняла тяжелые инкунабулы и собралась отнести их в дальний шкаф на галерее. Держать их было неудобно, медные застёжки и оклады царапали и без того саднящие ладони. Я попыталась удобнее перехватить книги, но верхний том в красной обложке выскользнул и упал обратно на стол, прямо на корешок. Застёжки в виде языков пламени щелкнули, книга раскрылась, и началось такое, что предыдущие

проблемы с ожившими щупальцами оказались сущим пустяком.

Из разворота книги с ревом поднялся столб огня, почти доходя до уровня галереи. Огненные вихри танцевали, закручивались, разбрасывали снопы искр. Я отскочила, прикрывая рукой глаза, и в панике уронила третий том. К счастью, он не раскрылся, и

мне не удалось узнать, какие на него были наложены чары.

▲Магия буйствовала. У вора, задумавшего похитить инкунабулу, не было бы ни малейшего

шанса. Меня спасло лишь то, что я непроизвольно отступила на шаг, когда книга упала,

иначе превратилась бы в живой факел.

Огонь грозил охватить бумаги и ценнейшие книги на столе. От искр мог заняться паркет

и книжные полки. Библиотека была на волосок от гибели в пожаре. Стражи-некрострукты продолжали стоять недвижно, в их стеклянных глазах и латунных шарнирах мелькали отблески пламени. Мертвые чучела, ничего более.

Я заметалась. Опять схватила мокрую тряпку, оставленную Эриной, и зачем-то попыталась накрыть ей бушевавший на столе вулкан – может, надеялась, что сырая ткань сможет загасить пламя. Тряпка полыхнула, почернела и истончилась в огне. Повалили клубы черного вонючего дыма.

Я раз за разом повторяла затверженную с детства формулу защиты, которая, по заверениям старейшины, надежно охраняла Отроков Света от происков Отроков Тьмы. Теперь я убедилась в ее полной бесполезности.

Внезапно где-то над головой раздался громкий звон колокола. В коридоре слышались

шаги и голоса. Дверь распахнулась, и в зале появился взъерошенный Кассиус. За ним

следовал Пикерн; увидев происходящее, он на секунду потерял привычную невозмутимость. Суетившаяся за его спиной Эрина застыла и выпучила глаза.

Кассиус в два шага подлетел к столу и быстро начертил в воздухе какой-то сложный символ. Одновременно с этим он торопливо произнес несколько слов на незнакомом наречии, и – о чудо – языки огня растаяли, в один миг обратившись простым рисунком

на полях раскрытой книги.

Наступила тишина. В воздухе медленно плавали хлопья сажи. Сильно пахло гарью. Пикерн испустил тяжелый вздох. За дверью нервно хихикнула Эрина.

Кассиус внимательно оглядел стол.

– Слава Светотворцу, все в порядке. Вы не пострадали, Камилла?

Я молча помотала головой, не в силах произнести ни слова.

– Как вы могли открыть эту книгу вот так, без защиты? Я же велел вам соблюдать осторожность! На обложке книг ясно указано, что они зачарованы!

Наконец я увидела, что господин Ортего не всегда бывает мягким и добродушным. Он

был сердит, очень сердит – на меня.

– Отчего вы сразу не использовали нейтрализующий знак? Скажите мне честно, Камилла, – Кассиус прищурил серые глаза. – Вы умеете это делать? Вы же сказали, что знакомы с основами магии. Принципы Второго Пакта! Этому учат в школе!

– Только не в школе при общине Отроков Света, – мой голос нашелся, но звучал тихо, хрипло и неуверенно. – О магии нам не рассказывали ничего. И я не смогла разобрать, что написано на книге.

Наверное, я выглядела невероятно жалкой. Эрина довольно хихикнула.

Кассиус секунду молча смотрел на меня, затем его лицо смягчилось и приобрело обычное спокойное выражение.

– Камилла, я ужасно испугался – за вас. Вам следовало предупредить меня. Тогда я бы рассказал вам все, что необходимо знать библиотекарю, который работает со старинными магическими книгами.

Он отвернулся и ближе подошел к столу, но внезапно споткнулся и ойкнул.

– А это еще что такое? Что делает на полу поющая чаша эпохи императора Раулина? Это ведь гордость коллекции Дрейкорнов! Камилла! Зачем вы положили ее на пол?

Кассиус нагнулся, чтобы взять чашу в руки. Я открыла было рот, чтобы попросить не трогать ее, но было поздно – чаша упала и покатилась с оглушительным грохотом и звоном, а Кассиус принялся с проклятиями отдирать присосавшиеся щупальца. Попутно он пытался начертать в воздухе защитный символ. Наконец, ему это удалось и щупальца исчезли.

– Ну, знаете, Камилла, это уже слишком... Как вы вообще целы остались, не понимаю! Быстро покажите мне руки – ого, да вам здорово досталось! Пикерн, позовите сюда Сидонию, пусть принесет мазь и бинты! Эрина, прибери здесь все!

Все засуетились, Кассиус отвел меня в каморку библиотекаря и усадил на стул. Из кухни

прибежала кухарка – госпожа Сидония, пригожая женщина средних лет. Она сноровисто промыла мне руки, смазала мятной мазью и перебинтовала. Затем изобразила подобие дружелюбной улыбки и ушла. Мы остались с Кассиусом вдвоем. Управляющий покачал головой и вздохнул. На его лице отчетливо читалась досада.

– Доставили же вы нам хлопот, Камилла! Хорошо, что господин Дрейкорн в отъезде, иначе бы нас ждала немалая взбучка. В некоторых вопросах он бывает строг, и ненавидит, когда его вводят в заблуждение. Отчего вы не признались сразу, что никогда раньше не сталкивались с магией и не знаете древних языков?

– Вы бы меня прогнали. Мне очень было нужно найти работу... Простите, господин Ортего. Я сильно провинилась. Я сейчас же соберу вещи и покину этот дом.

Я едва не плакала. От стыда щипало в глазах. Глупая! Как я могла вообразить, что смогу кого-то обмануть...

– Выходит, Камилла, вы ни черта не знаете ни о ритуалистике, ни о демонологии, ни о защитных заклинаниях. Со староимперского переводить тоже не можете, так?

Я помотала головой.

– Ну конечно. Глупо было ожидать таких знаний от послушницы общины, где магию на дух не переносят и живут, как дикари. На что вы рассчитывали? Вы ведь понимали, что не сможете выполнять то, что требуется от секретаря, так? Полагали, что нужная дата рождения заставит будущего работодателя закрыть глаза ваше невежество?

Я кивнула и через силу произнесла:

– Да. Именно так я и подумала. Я решила, что должна попытать удачу.

Простите.

Вот сейчас управляющий объявит, что мне следует покинуть «Дом-у-Древа» как можно скорее, однако Кассиус внезапно засмеялся и произнес вовсе не то, что я ожидала.

– Оказывается, вы смелая и самонадеянная особа, Камилла... Что ж, вы оказались правы. Для этой должности астрологическая метрика куда важнее хорошего образования, расторопности, сообразительности прочих качеств, столь необходимых любому секретарю. Думаю, вы уже поняли, что вас этом доме ждет не совсем обычная работа. Открою вам тайну – из всех явившихся за месяц кандидатов

– а их было больше тридцати – правильно выполнить испытательное задание не смог никто, кроме вас. Так что выбора у меня не было.

Я озадаченно хлопала глазами. О чем он говорит? Что было сложного в том задании? Его мог выполнить любой, худо-бедно знающий староимперский и умеющий держать перо в руках. Заметив мое недоумение, Кассиус вновь улыбнулся и протестующе поднял руки:

– Не могу рассказать больше, оставлю нашему хозяину давать все объяснения. Пока признаюсь, что в сложившейся ситуации есть моя вина. Я несколько небрежно отнесся к поручению Джаспера. Мне следовало найти подходящего человека полгода назад, и не через объявление, а другим, более надежным – но и более хлопотным путем. Теперь поздно искать кого-то еще. Вы – мой единственный вариант. Давайте действовать сообща. Вам нужна эта работа, а мне неприятно подводить Джаспера. Видите ли, я ведь тоже пока у него... на испытании. Поэтому в оставшееся до его приезда время я буду вас

учить всему, что вы не знаете, ну а вы будете трудиться изо всех сил. По рукам? ♠Я подняла глаза, не веря своим ушам. Хотелось спросить, отчего вдруг «единственным вариантом» оказалась именно я, а не другие соискатели, которые наверняка были куда образованнее и смысленнее, чем я, но мое самолюбие было задето.

– Обещаю, что оправдаю ваше доверие, господин Ортего. Я невежественная, но не безголовая. Учеба дается мне легко, я со всем справлюсь. За утро я сделала довольно много пока... пока не наткнулась на эти книги, – торопливо заговорила я.

– Я нашла две книги с руной змеи.

– Что? – переспросил Кассиус, – Какой руной змеи?

– Той, что вы мне показывали утром. Старые книги, в них знак, похожий на дракридскую руну змеи.

– Неужели? – Кассиус наконец понял, что я имею в виду, и оживился. – Целых две книги за утро? Это отличные новости, Камилла, просто отличные – где же эти книги, покажите скорее!

Мы вернулись в зал. Эрина и Пикерн уже навели в нем порядок. От несостоявшегося пожара не осталось и следа. Я волновалась, что найденные книги могли пострадать в огне, но все обошлось. Я передала их Кассиусу и указала на найденный знак.

Управляющий повел себя странно. Внимательно пробежал глазами по открытой странице «Оснований травознания», слегка помял ее пальцами, как бы пробуя толщину бумаги, затем перевел взгляд на меня.

– Значит, знак Филиона здесь, на этой странице, – задумчиво протянул он. – И вы его видите. Вы молодец, Камилла. Из этого дома мы вас теперь ни за что не отпустим. Я

сдержу свое обещание. Научу вас обезвреживать чары. Мы будем заниматься староимперским и другими языками, и когда вернется Джаспер, он не найдет, к чему придраться. А теперь пойдете обедать – от всех этих тревог у меня разыгрался

зверский аппетит. Приступим к занятиям вечером – не будем терять время.

♠Глава 4 Условия Второго пакта

Я была сбита с толку. Не знаю, что стало большим потрясением: утренняя катастрофа в библиотеке или то, что после случившегося меня не выгнали из дома, как я того заслуживала. Управляющий вел себя как ни в чем ни бывало. Он сопровождал меня в столовую – отобедать; за столом мило беседовал, вел себя ласково и дружелюбно.

Поддерживать светский разговор не получалось. Я сидела тихо, как мышь, и глаз не смела поднять от тарелки. Меня терзали стыд и досада. Я с трудом удерживала нож и

вилку забинтованными пальцами, кожа под повязками горела и ужасно чесалась. Неудивительно, что вкуса блюд я не чувствовала, и лишь желала скорее встать из-за стола.

Не давали покоя и мысли о том, что будет дальше. Недавние слова Кассиуса обнадеживали, но и озадачивали. Невозможно предположить, что меня ждет в этом мрачном особняке, где из каменной башни растет мертвое дерево, библиотеку охраняют механомагические существа, а книги отращивают щупальца и изрыгают пламя.

Когда обед закончился, управляющий предложил вернуться в библиотеку. Настроен он был решительно.

– Посмотрим, получится ли сделать из вас личную помощницу теурга, – заявил он. – Вы кажетесь мне вполне разумной и способной девушкой, которая не боится трудностей.

Мы расположились за восьмиугольным столом в центре зала. Следуя указаниям Кассиуса, я нашла в шкафах и принесла нужные учебники. Кассиус взял один в руки, раскрыл наугад, полистал, усмехнулся, будто вспомнив что-то забавное, и отложил книгу в сторону. Я почувствовала себя неловко.

– Не стоит тратить на меня время, господин Ортего, – произнесла я извиняющимся тоном. – Я вполне способна изучать языки самостоятельно. Возьму словарь, учебник, буду зубрить днями и ночами.

Управляющий махнул рукой.

– Глупости, Камилла. Не могу отказать себе в удовольствии потряхнуть стариной, – сообщил он с улыбкой. – Мне ведь уже доводилось учительствовать несколько лет назад, в небольшой частной школе в Меркати – знаете, есть такой зажиточный квартал на западе Аэдиса. Учил детишек банкиров языкам, хорошим манерам и истории Империи. Целый год пришлось пачкать мелом пальцы и вдавливать знания в пустые головы богатых наследников... потом, слава Светотворцу, подвернулось кое- что получше. Но, говорят, учитель из меня вышел неплохой. Поглядим, как у нас пойдет дело.

– Буду стараться изо всех сил, господин Ортего – горячо заверила я его. Меня переполняла признательность. Госопдин Ортего был первым человеком в столице, который проявил ко мне участие.

– Отлично! – управляющий довольно потер руки. – Начнем первый урок. Первое распоряжение – зовите меня по имени – Кассиус. Ужасно коробит, когда хорошенькие девушки обращаются ко мне так... сухо, – он шутливо нахмурился и покачал головой.

Я невольно улыбнулась. Добродушие управляющего поистине не знало границ. После всех испытаний, выпавшей на мою долю за последние недели, хорошенькой я не была ни по каким меркам. Некогда круглые щеки опали, голубые глаза утратили блеск, волосы

потускнели и ломались. Опаленные по милости стряпчего брови и ресницы прелести мне тоже не добавляли.

– Перво-наперво попробую научить вас защитному заклинанию – иначе эти магические гримуары быстро вас прикончат. Однако придется начать с основ... Чему вас вообще учили в вашей общинной школе? Вы знаете что-нибудь о Великих Пактах, Камилла?

Я неуверенно произнесла:

– В стародавние времена Великие Пакты заключили с Валефаром, демоном- архонтом – главным демоном высшего легиона.

▲Кассиус просиял и радостно закивал, как будто пораженный глубиной моих знаний.

– Верно. Помните, каковы были условия Пактов?

Я покачала головой.

– Нам рассказывали только то, что с их помощью творения Тьмы – демоны – сумели обманом закабалить творения Света – людей. С тех пор люди, использующие магию, служат демонам и являются их пищей, при этом пребывая в уверенности, что являются истинными хозяевами положения.

Кассиус сдержанно хохотнул.

– Ну разумеется. Вижу, учителя в вашей секте – общине, я хотел сказать, – не следовали утвержденной программе имперского департамента всеобщего образования. Хорошенько запудрили вам мозги, эти ваши общинные праведники. Ну да Свет с ними. Вот как дело обстояло на самом деле...

Кассиус встряхнул белокурой головой, выпрямил спину, поставил локти на стол, сложил кончики ухоженных, длинных пальцев и приступил к рассказу. Говорил он гладко, как по писаному, особым, учительским голосом:

– Испокон веков люди изучали магию, чтобы войти в контакт со сверхъестественными силами. Чернокнижников называли шарлатанами, инквизиция преследовала их, сжигала на кострах. Но двести лет назад скептики и инквизиторы потерпели поражение: император Тебальт и его придворные маги заключили Первый Пакт с демоном-архонтом Валефаром. Первый Пакт ознаменовал собой начало Эпохи Магии. По его условиям подчиненные Валефару демоны обязались служить людям. Взамен они получали жизни жертвенных животных и людей. Поглощая их, демоны обретают силы в нашем мире, и могут творить то, что необразованный люд привык называть чудесами.

Великие мира сего – короли, императоры, теурги – обрели невиданное могущество и принялись исполнять свои самые заветные желания. Правда, демоны не всесильны, и за свои услуги требуют немалую цену. Например, за небольшой слиток золота нужно отдать жизни не менее шестидесяти жертв. Над человеческим телом большинство демонов не имеют власти. Вернуть старику молодость, излечить тяжелобольного или, наоборот, остановить бьющееся сердце по велению призвавшего их теурга могут только

верховные потусторонние сущности – самые сильные, но и самые требовательные.

Однако даже сущности низших легионов могут создать страшное оружие, зелья и чары.

Маги начали экспериментировать. Тогда они еще не понимали, что «магия демонов» – по сути, иномирные знания и технологии – могут иметь непредвиденные последствия.

Вскоре после заключения Первого Пакта появилось множество ужасных изобретений и существ.

Диппуры и костепалы, современные отвратительные обитатели городских канализаций, достались нам в наследство от Темного Века. Эти твари довольно безобидны по сравнению с другими плодами неограниченного и разнузданного использования магии

Скажем, Паучья Пила. Эту тонкую прозрачную нить незаметно протягивали на пути того, от кого желали избавиться. Стоит несчастному коснуться демонической нити, как

она моментально оплетает все тело, а затем распиливает на тысячи кусков за несколько

секунд – или несколько часов, если хотите, чтобы жертва помучилась подольше.

Или, к

примеру, Багряное Марево. Под действием этого вещества – газа без цвета и без запаха

– кровь просачивается мельчайшими каплями сквозь кожу и испаряется в воздух в виде

тонкой взвеси. Влажный красный туман окутывает средний город за считанные минуты.

Именно так погибли все обитатели Исмейдена в шестом году Эпохи Магии. Улицы были завалены обескровленными телами по прихоти обиженного мага, которого годом ранее жители прокатили по улицам города в смоле и перьях за какие-то прегрешения.

От рассказа Кассиуса недавно съеденный обед начал проситься наружу, но мой учитель

вошел в раж, вскочил с места, и с энтузиазмом продолжил рассказ, бодро расхаживая по

комнате.

– Наступило время, известное как Темный Век. Население империи таяло с небывалой скоростью. Гибли первые люди при дворе, крупные промышленники, теурги и магнаты;

исчезали целые города и деревни – алчные правители отправляли на жертвенные алтари тысячи мужчин, женщин и детей. Даже сами демоны начали проявлять беспокойство. Они все чаще отказывались от контрактов, требующих от них создания новых средств уничтожения людей.

Сто двадцать пять лет спустя после заключения Первого Пакта император Антеон и верховный демон-архонт Валефар заключили Второй Пакт. Новый пакт ограничивал создание смертоносных чар и магического оружия, запрещал эксперименты с живыми существами. Среди прочего было придумано защитное заклинание, которое моментально обезвреживает любой опасный предмет, пришедший к нам из Темного Века. А заклинание это таково: вы должны одним движением начертать незакрытую семиконечную звезду.

Кассиус быстро изобразил сложный жест; на мгновение в воздухе появилась

семиконечная фигура, черная и бездонная, как колодец, но тут же сомкнулась в точку и пропала. Я испуганно вздохнула.

– Семь лучей этой звезды символизируют семь главных положений Второго Пакта.

Вкратце, они гласят: совершать обряды вызова дозволено исключительно лицензированным магам и теургам. Любая сделка между демоном и человеком заключается составлением договора, скрепленного Незримой Печатью. Человеческие жертвы назначаются только по приговору судебных триумвиратов. В жертву не приносятся несовершеннолетние человеческие существа. Магия демонов не используется для изменения физической сущности живых человеческих существ. Магия демонов не используется для создания оружия, кроме как с дозволения членов Совета

Одиннадцати. Члены Совета Одиннадцати вольны пренебречь любым условием Пакта при согласии на то других членов Совета Одиннадцати.

– Одновременно нужно произнести первую строку из преамбулы Пакта, – Кассиус скороговоркой произнес что-то невнятное на староимперском, – и вредоносное заклинание будет нейтрализовано.

– Любое?

– Хороший вопрос. Нет, не любое. Только камерное заклятие большого круга. Поверьте, этого достаточно. Сильные чары малого круга на книги не накладывали. Конечно, есть еще природное ведовство – магия земная, недемоническая, но ее запрещено практиковать уже несколько сотен лет, потому как она неуправляема и куда опаснее магии демонов. Не думаю, что вам когда-либо доведется с ней столкнуться.

Слова Кассиуса совершенно не внушали уверенности.

– Я ведь не теург, – напомнила я управляющему. – Разве заклинание подействует, если я произнесу его?

– Конечно, – кивнул Кассиус, – каждый может им воспользоваться. Вы считаете, что магия – это особый дар? Отнюдь. Конечно, чтобы стать практикующим магом или теургом нужно иметь особые склонности и талант – и долго учиться. Но ведь и профессиональными художниками становятся единицы, однако набросать простой рисунок под силу каждому. Не бойтесь, Камилла, у вас все получится. Это совсем просто.

Несмотря на заверения Кассиуса, «простое» заклинание повторить я не смогла – ни в этот день, ни потом. Нужно было иметь точность автомата, чтобы начертить идеальную семиконечную звезду одним росчерком, а формулу следовало произносить, соблюдая строгий ритм и тональность. Я махала руками, как мельница, ломала язык, выговаривая длинные слова на незнакомом языке, и чувствовала себя невероятно глупо.

Поначалу Кассиус был терпелив, но спустя несколько уроков стал в отчаянии закатывать

глаза и хвататься за голову. Впрочем, ни одного грубого слова я от него не услышала.

Я тренировалась в каморке библиотекаря. Раз за разом из инкунабулы в красном кожаном переплете вырывался столб огня и лизал и без того закопченный потолок. ▲Теперь я поняла, зачем библиотекарю нужны защитные очки и краги. Я снимала их, только когда была абсолютно уверена, что книга мне ничем не угрожает.

– Главное, Камилла, верить в то, что вы произносите, стремиться принять магию всей душой, тогда даже неидеально произнесенная формула сработает – наставлял Кассиус. – Я чувствую вашу неприязнь к магии, оттого-то она вам и не поддается. Оставьте общинное прошлое и дикие предрассудки. Старайтесь, Камилла, старайтесь! Вы теперь столичная жительница, секретарь самого гран-мегиста Джаспера Дрейкорна!

«Уверена, гран-мегист Дрейкорн поспежит избавиться от меня, как только увидит»,
–
подумала я.

С языками дело обстояло немногим лучше. Учитель языков из Кассиуса вышел никудышный: после двадцати минут занятий он начинал скучать и принимался болтать о пустяках, расспрашивал меня о жизни в общине, сам рассказывал о столице, ее нравах и значных местах (о которых знал подозрительно много). Затем спохватывался и убегал по своим делам.

Я вздыхала с облегчением: мне нравилось общество Кассиуса, но чувство вины требовало, чтобы я научилась хоть чему-то, что могло бы оправдать мое пребывание на должности помощницы и библиотекаря гран-мегиста Дрейкорна. Поэтому я без устали корпела над учебниками самостоятельно, заучивала, переводила. Даже ночью староимперский не давал покоя: мне снились таблицы спряжений, хитроумная рукописная вязь, гласные диграфы и триграфы, и зеленые щупальцы в столбе адского огня.

Следующий день после моего неудачного дебюта в роли помощницы теурга я с утра до ночи провела в библиотеке.

Перво-наперво запаслась ведром и тряпкой и посвятила утро борьбе с пылью и паутиной. Нашла Пикерна, попросила у него мебельного воска; поначалу дворецкий отмахнулся, обещал прислать Эрину, но я настояла на своем, а от помощи недружелюбной служанки отказалась. К обеду шкафы и столы в библиотеке сияли и приятно пахли хвоей и медом, разбросанные книги отправились в аккуратные стопки дожидаться каталогизации, а я валилась с ног от усталости.

Казалось, что библиотечные стражи и изваяния ученых мужей на барельефах взирали на мою суету с одобрением, кроме брата Борга, Книгоненавистика: его каменное

одутловатое лицо лучилось презрением и сильно напоминала физиономию стряпчего Оглетона, лишенного своих прекрасных усов и заполучившего взамен тонзуру.

После обеда несколько часов разбирала книги: повезло найти один символ. Зачарованные фолианты я убирала с глаз долой до лучших времен. Кассиус научил меня, как определять, что на книгу было наложено заклятие. Об этом ясно говорила надпись на первой странице. Например, зеленая инкунабула с щупальцами предупреждала на староимперском: «Бойся, проклятый вор; если кто-нибудь присвоит эту книгу, да пожрет того морской вампир».

От поцелуя щупалец морского вампира кожа на руках болела и заживала еще неделю.

Немало времени корпела над учебниками староимперского. Этот вычурный, запутанный язык был мертв уж не одну тысячу лет, но упокоиться с миром ему никак не давали маги: писали на нем свои трактаты, чтобы оградить их от малограмотных олухов вроде меня. Староимперский в обязательном порядке изучали студенты и гимназисты; в пору было пожалеть несчастных.

Вечером настало время практиковаться в защитном заклинании. После дня физической работы руки болели, мысли скакали; на магическом поприще я потерпела неудачу, но Кассиус советовал не падать духом.

В Общине во время послушаний мне приходилось выполнять разную тяжелую работу – ухаживать за огородом, ходить за пациентами отца, но и простые на первый взгляд обязанности библиотекаря в доме мага поначалу немало выматывали.

Книжная пыль вызывала безудержный чих, защитные очки натирали на переносице болезненную красную полосу, а от староимперских прописей сводило руку. Но вскоре работа стала привычной, выполнялась быстрее, а у меня появилось свободное время.

Спустя несколько дней после того, как я поселилась в Доме-у-Древа, смущение, вызванное непривычной обстановкой и укладом жизни, стало проходить.

Удивительно, но тоска по общине и отцу не мучила – слишком много было вокруг новых впечатлений.

В первую неделю я знакоилась с обитателями особняка. Когда хозяин отсутствовал, из прислуги в доме постоянно жили дворецкий Пикерн, повариха Сидония, и противная горничная Эрина. В конюшне на заднем дворе особняка жил кучер Ирвин, молчаливый, тощий малый. В дом он заходил редко, и предпочитал общению со слугами компанию своего пса и двух вороных хозяйских коней.

У Кассиуса была своя квартира где-то в Предгороде, но чаще управляющий ночевал в гостевой комнате дома или на диване в кабинете, когда не проводил ночь в игорном клубе.

Днем приходил истопник, две младшие горничные и кухонный мальчик Том.

По какой-то причине мое появление стало неприятным сюрпризом для слуг. При виде меня дворецкий едва заметно поджимал губы; Эрина вполголоса отпускала колкость.

Миловидная повариха Сидония смотрела настороженно и недоверчиво.

Однако повариха стала первой, с кем удалось подружиться. Помог случай.

На третий день после того, как я поселилась в особняке лорда-архивариуса, мне вздумалось заглянуть в кухню. Вечером похолодало, в комнату прокрался неприятный сквозняк. Открывать трубы, подающие теплый воздух, я пока не умела и озябла до дрожи. По старой привычке решила перед сном согреться горячим чаем и отправилась вниз, на первый этаж восточного крыла.

Сидония моему появлению не обрадовалась: у нее был хлопот полон рот.

Коротко кивнула на плиту, где сипел чайник, и вернулась к исходящей паром раковине, к горе грязных тарелок. Пожаловалась, что нанятый неделю назад кухонный мальчик Том, племянник Сидонии, оказался к мытью посуды решительно неспособен; он был ленив, как поросенок, и так же неуклюж. Если Том вставал за раковину, три тарелки из десяти превращались в осколки.

От усталости у Сидонии покраснели глаза, плечи опустились. Я пожалела ее и предложила помочь; повариха согласилась, не колеблясь. Я с удовольствием повязала длинный цветастый передник и встала у раковины. После длинного дня корпения за старыми книгами даже такое скучное занятие, как оттирание грязных тарелок, доставляло удовольствие: дело простое, понятное, привычное. Не то, что бесполезные попытки сотворить защитное заклинание или возня со староимперскими каракулями. Да и приятно было отогреться, опустив руки в горячую воду.

Когда тарелки протерли досуха и отправили в буфет, Сидония заметно подобрела, налила горячего чая, добавив в чашку каплю бренди, и угостила пирогом с поздней вишней. Затем принялась показывать свое хозяйство. Кухня мне очень понравилась: она была просторной, устроенной разумно и удобно.

К счастью, огненного короба и других магических штук здесь не водилось. Печи топились по старинке, дровами. На стенах висели связки трав и лука, блестящие сковороды и фарфоровые блюда, расписанные цветами и сельскими видами.

В углу стояла большая металлическая бадья в деревянном плетеном корпусе под крышкой с рядами медных заклепок.

— Что это? — полюбопытствовала я.

Сидония нахмурила красивые черные брови и недовольно ответила:

— Это хозяин установил, чтобы посуду мыть.

▲— Как? — не поняла я.

— Вон там внизу нужно огонь разводить, сюда наливать воду, а бадья эта сама все дальше сделает. Говорил, старинное изобретение, собрал по чертежам каким-то.

Я заинтересовалась.

– Отчего же вы ей не пользуетесь?

– Да боязно. Хозяин показывал как, все получалось, а я не могу. Не люблю я железяки магические да механические... хозяин говорил, что не магия это, но кто его знает? Гудит эта штука, как дьявол на гармонике.

Я попросила разрешения попробовать запустить необычное устройство, и получила его.

Открыла верхнюю крышку и начала разбираться: вот корзина, сюда ставим грязные тарелки, сюда – бокалы, а сюда кладем ложки.

Вот емкость – сюда наливаем воду. А вон туда, наверное, насыпаем мыльный порошок.

Здесь, внизу, печь – кладем уголь и разжигаем.

Я с трепетом загрузила и снарядила удивительный агрегат, разожгла огонь и принялась ждать, когда нагреется вода и пар пойдет в насосы.

Кухонный мальчик Том, дюжий, полноватый подросток, сопел и толкался у меня за спиной; Сидония от греха подальше ушла в дальний угол кухни и поглядывала с опаской.

Вскоре агрегат засвистел, зашипел, повалил пар, но больше ничего толкового не произошло. Что-то было не так.

Я решительно погасила огонь, откинула крышку, и больно обожгла паром руку. Пришлось ждать, пока агрегат остынет. Провозившись с ним не меньше получаса, я обнаружила проблему – одна из трубок отошла, пар тратился почем зря не достигая насоса. Порылась в кухонных ящиках, нашла щипцы для орехов и с их помощью кое-как исправила поломку.

Загрузила и запустила агрегат во второй раз. Хитро устроенные насосы весело засвистели, корзина с посудой начала вращаться, купая грязные тарелки и стаканы в горячей воде.

Через час я с гордостью демонстрировала все еще сомневающейся Сидонии посуду, чистую и блестящую настолько, что проведи по фарфору пальцем – запоет. Повариха ахала, недоверчиво восторгалась; ее племянник восхищенно тарачился; даже Пикерн заглянул, выслушал рассказ Сидонии, провел длинным костлявым пальцем по тарелке – проверил, так ли она чиста, как ему расхваливают? – и снизошел до холодного кивка.

Так и повелось – теперь я каждый вечер спускалась на кухню, запускала машину для мытья посуды, помогала Сидонии по мелочи. За это мне оставляли самые лакомые

куски

и заваривали особый ароматный чай. Радовалась я этому безмерно: забыть пережитый мучительный голод было непросто.

Характер у Сидонии оказался ровный, сдержанный, она больше любила слушать, чем говорить, но нам было комфортно в обществе друг друга. Том перестал дичиться, довольно сопел, когда я приходила, и старался найти дела поближе к месту у окна, где я привыкла сидеть.

После успеха на кухне я чувствовала себя, как полководец, который ставит на карту флажок, отмечая первое взятое укрепление на вражеской территории. Я радовалась, что принесла небольшую, но понятную и ощутимую пользу обитателям особняка в квартале Мертвых Магов, и, хоть немного, стала частью текущей в нем жизни.

Особняк интересовал меня не меньше его обитателей. Как же он отличался от того крохотного коттеджа, в котором жили мы с отцом! Коридоры казались бесконечно длинными и бесконечно безлюдными, залы – гигантскими, а непонятные механические приспособления то и дело пугали внезапным гулом и треском.

♣Чтобы содержать в порядке такой дом, как особняк лорда-архивариуса, требовался огромный штат слуг. Эрина трудолюбивая не отличалась, младшие горничные, фаракийки с труднопроизносимыми именами, всю работу делать не успевали, поэтому дальние и укромные места особняка выглядели неряшливо.

Особенно это было заметно на третьем этаже не жил никто, кроме меня. Я в одиночестве бродила по пустынному коридору, разглядывая изваяния, картины, барельефы и фрески. Занятие было увлекательным, и я потратила на него не один вечер.

На свои экскурсии я брала тряпку и ведро. Протирала пыльные морды изваяний, прогоняла пауков из складок каменных мантий, смахивала неопрятные комки паутины. Став чище, страшные скульптуры выглядели куда симпатичнее и веселее.

Застав меня за уборкой коридора – я как раз притащила стремянку и, забравшись под потолок, протирала электрические светильники и картины – дворецкий остался недоволен моим самоуправством; горничная Эрина злилась и шипела. Решила, что таким образом я упрекаю ее в лени. Но все обошлось; так, к повседневной работе в библиотеке и новой обязанности посудомойки на кухне, добавилась уборка коридора.

Но в доме лорда-архивариуса для меня нашлось еще немало дел. Однажды Кассиус обнаружил, что я неплохо управляюсь с числами и попросил помочь сверить счета. Сам

он монотонную работу не выносил, начинал зевать и сердиться. Результатом Кассиус остался доволен; теперь несколько раз в неделю я навещала его кабинет и наводила порядок в бумагах. Занятие это было мне не в тягость; я радовалась возможности услужить человеку, который дал мне шанс и протянул руку помощи.

И все же по вечерам у меня оставалось свободное время, которое я не хотела проводить среди книг и документов. Однажды я решила, что раз я собираюсь жить в доме лорда-архивариуса некоторое время, было бы неплохо узнать его получше, чтобы скорее

освоиться в месте, которое все еще оставалось чужим и непонятным.

За завтраком я спросила у Кассиуса разрешения осмотреть все этажи и комнаты. Управляющий отнесся к моей просьбе с большим энтузиазмом.

– Отличная идея! – воскликнул он. – «Дом-у-Древа» – уникальный особняк с необычной историей. Второго такого нет во всем Аэдисе. Вас ждет немало интересных открытий. Помню, в детстве, когда отец приводил меня сюда, мы с Джаспером исследовали дальние коридоры, закрытые комнаты, чердаки и подвалы. Порой натыкались на весьма любопытные вещи, а иной раз – пугающие... но это только разжигало в нас задор.

«Ага, значит, нынешний хозяин дома дружил с Кассиусом в детстве, и поэтому взял к себе в управляющие», – мысленно отметила я, а вслух сказала:

– В нежилых комнатах я могу найти забытые книги и принести их в библиотеку.

Я рассчитывая продемонстрировать, что мной движет не простое любопытство.

Пусть управляющий видит, что я всегда думаю о порученной работе.

– Весьма здравое соображение, – согласился Кассиус. – Возьмите у Пикерна ключи, и не забудьте фонарь: в восточном крыле нет электрического или газового освещения. Эта часть здания не использовалась лет десять. Там периодически прибираются, но не очень тщательно. Надевайте одежду, которую не боитесь испачкать. И не пугайтесь, если увидите что-то странное. В этом доме жили бесчисленные поколения магов. Их пристрастия в убранстве комнат могут показаться диковинными.

– Там безопасно? – спросила я с сомнением.

– Вполне, разве что побелка могла кое-где отвалиться. Джаспер избавился от всех опасных штук, которые любили коллекционировать его предки... я полагаю. Кстати, в доме больше пятидесяти комнат, поэтому не рассчитывайте осмотреть все за один вечер.

Пикерн от моего намерения оказался не в восторге. С каменным лицом он выдал план дома, внушительную связку ключей и переносной электрический фонарь – тяжелую деревянную коробку с латунными креплениями и огромной линзой.

▲– Я могу зайти в любое помещение? – поинтересовалась я, с любопытством изучая разномастные ключи причудливой формы.

– Нет, – отрезал Пикерню – В подвал, на чердак и в башню вы не пойдете. В башне покои хозяина. В его отсутствие туда заходить запрещено.

Я расстроилась. Больше всего мне хотелось попасть именно в башню, самую старую часть дома, возведенную вокруг дерева, которое дало название особняку. Интересно было бы посмотреть, как все устроено в комнатах, где главная часть интерьера – засохший ствол и ветви.

В библиотеке я нашла тонкую брошюру с описанием архитектуры и истории «Дома-у-Древа». Оттуда я узнала, что о времени постройки здания известно мало. Предположительно три столетия назад его заложил предок печально известного мага Торквинуса. Дерево – в то времена еще живое – звалось Ирминсул. Принадлежало оно к виду, давно исчезнувшему из лесов империи. Ирминсул играл важную роль в ритуалах магов, которые продолжали жить в этом доме и заниматься тайными искусствами вплоть до 1601 года домагической эры.

Торквинус стал последним из династии. В Ночь Углей он взошел на костер вместе с другими адептами колдовских наук, которых обрел на казнь инквизитор Аурелиус, желая положить конец нечестивым практикам и очистить столицу от чернокнижников.

Квартал, в котором они предпочитали селиться, опустел, и отныне стал известен как «Магисморт» – квартал Мертвых Магов.

Очевидцы утверждали, что дерево погибло одновременно с хозяином дома: наутро после Ночи Углей, кашляя от затянувшего город дыма, отвратительно пахнущего горелой плотью, испуганные слуги тайком вернулись в опустевший дом, чтобы украдкой вынести фамильное серебро и ценные безделушки; они увидели, что еще вчера полное жизни дерево превратилось в сухой остов, а почерневшие опавшие листья хрустели под ногами.

«Дом-у-Древа» пустовал почти десяток лет, а затем император даровал его Филиону Кастору, создателю Небесных Часов. Прославленный изобретатель добавил к дому два крыла и реконструировал башню.

После смерти Кастора дом отошел Дрейфусу Дрейкорну, одному из первых теургов Эры Магии, за особые заслуги перед императором. За двести лет поколения Дрейкорнов беспрестанно перестраивали и расширяли здание, пока оно не превратилось в тот величественный и мрачный особняк, в котором мне теперь довелось жить. Дерево Ирминсул больше никогда не распускало листья, но его древесина, заточенная в камень и кирпич, оставалась крепкой и не превращалась в труху.

История дома поразила меня.

«Теперь ясно, почему на стене моей каморки в библиотеке висит модель Астрариума. Уверена, ее создал сам Филион Кастор!» – думала я, испытывая благоговейный трепет.

Желание тщательно исследовать дом усилилось стократ. Я с нетерпением ждала выходного дня. Когда он настал, я встала пораньше, быстро позавтракала, надела рабочий халат и прихватила тяжелый фонарь, помня о предостережении Кассиуса, а затем отправилась в восточное крыло.

Осмотр дома оказался утомительным занятием. План был составлен давно и не обновлялся после многочисленных перестроек, поэтому полагаться на него не стоило.

Мне попадались двери, за которыми обнаруживались кирпичные стены, узкие темные

переходы, заканчивающиеся тупиками, и лестницы, упирающиеся в потолок. Надписи на бирках на ключах в выданной связке оказались неразборчивыми. Несколько замков открыть не удалось.

Поначалу я чувствовала себя подавленно. Нежилые части дома нагоняли тоску безмолвием и запустением. Глухая тишина помещений, давно покинутых жильцами, заставляла слышать несуществующие звуки. Сердце бешено колотилось, когда я кралась по темным, холодным коридорам, опасаясь того неведомого, что мог выхватить из темноты зыбкий луч моего фонаря. Однако вскоре разгоревшееся любопытство заставило забыть обо всем: невозможно было предугадать, что обнаружится за поворотом коридора или очередной скрипучей дверью.

В комнате, обозначенной на бирке ключа как «Костяной кабинет», обстановка была изготовлена из частей скелетов каких-то крупных существ – изящная этажерка, сложенная из отполированных белых косточек, кушетка с бархатными подушками, размещенными в огромных полукружьях ребер, ажурная костяная люстра с клыкастыми черепами вместо светильников. Два гигантских птичьих черепа мастер превратил в письменный стол и кресло.

Содержимое «Обители зеркал и дыма» было еще поразительнее. В этом небольшом зале я действительно обнаружила зеркала – много зеркал, два или три десятка.

Были они высокими, узкими, и стояли на деревянных стойках так, что образовывали сложный лабиринт. Подле каждого зеркала стояли железные треножки – курильницы для благовоний. В центре лабиринта на каменном полу виднелась семиконечная звезда, выложенная потускневшей зеленой плиткой.

Я встала в центр звезды и огляделась – на меня смотрели сотни бледных, испуганных девушек в сером платье. Стало жутко: показалась что в темных, бесконечных зеркальных коридоров, словно уходящих в иное измерение, движется бесформенная тень, наползает, приближается. Я выскочила в коридор и захлопнула дверь: по спине стекал ледяной пот, в ушах шумела кровь.

Я заходила в изящные будуары, где нежные занавески на окнах превратились в лохмотья, а серебряные зеркала затянула паутина; в спальни, богато украшенные позолотой и неплохо сохранившимся бархатом, в комнаты, похожие на кельи отшельников, единственным убранством которых были узкие деревянные скамьи и колченогие столы; побывала в оружейном зале, музыкальной комнате и комнатах для слуг.

Мне удалось найти несколько книг, очень старых и разбухших от плесени. Ни в одной из них не было руны змеи, но я все равно решила унести их в библиотеку.

День за днем я отправлялась бродить по этажам, охваченная азартом и нетерпением первооткрывателя. Дом больше не пугал меня; я с удивлением обнаружила, что он начинает мне нравится. Я предполагала, что Пикерн знал о нем немало интересного,

но
обратиться к дворецкому не решалась.

Кассиус ответить на вопросы о странных комнатах обычно не мог.

– Вот вернется хозяин, у него и спросите, – отвечал он. – Стыдно признаться, но за год работы управляющим у Дрейкорна, я не удосужился побродить по восточному крылу. Пикерн докладывал, что ремонт там не требовался, поэтому я им не занимался. Давайте сделаем так, – Кассиус азартно потер руки, – попросим Джаспера устроить экскурсию. Думаю, ему будет самому приятно оживить детские воспоминания. В последние годы он бывает дома лишь наездами.

Я решила воспользоваться случаем и расспросить Кассиуса о гран-мегисте Джаспере Дрейкорне. К счастью, его приезд откладывался, и я не могла этому не радоваться. Боялась, что он в два счета выгонит меня прочь из-за моей непригодности к работе, как предсказывал стряпчий Оглетон.

Кассиус отвечал скупно.

– Джасперу возня со старыми бумагами не по душе. Он сильный маг, однако остаться придворным теургом не захотел. Повздорил с отцом и поступил в Морскую академию. Выучился на картографа, много лет плавал. Участвовал в военных стычках, бывал ранен. Время от времени выполняет кое-какие деликатные поручения канцлера... и Тайного Корпуса. В основном в тех делах, где магия бессильна. Сейчас он в своей последней экспедиции. Когда вернется, выйдет в отставку и все же займет место своего отца. Теперь он – новый лорд-архивариус. Должность эта отнюдь не номинальная: лорд-архивариуса называют хранителем древних секретов, поверенных бумаге. Его отец не подготовил себе преемника, и сейчас никто лучше Джаспера не знает всех тайн и богатств, что хранятся в императорском архиве, глубоко в подземельях Адитума. ♣– Что он за человек? – продолжала расспрашивать я.

– Очень похож на своего отца, и с каждым годом сходство усиливается, – Кассиус встал, давая понять, что беседа окончена.

В доме было два портрета покойного Клаудиса Дрейкорна – один написан лет тридцать назад, другой за год перед смертью. Красавцем старый лорд-архивариус не был даже в молодости. Уродливая форма головы со сдавленными висками, злые маленькие глазки, острый нос, брезгливо выпяченная нижняя губа. В старости он превратился в сухого старичка с желчной, порочной физиономией. Если его сын похож на него, то я желаю как можно дольше не встречаться с ним лицом к лицу.

Однажды Кассиус позволил себе за ужином пару бокалов вина и проболтался, что старый лорд-архивариус имел множество врагов и не брезговал шантажом и вымогательством.

– В архивах можно отыскать интересные забытые документы... такие, что глава полицейского управления и верховный теург за них души продадут. К архивариусу однажды подсылали наемного убийцу... а когда старик Дрейкорт умер – своей смертью, к несчастью, мирно, во сне, – многие сенаторы вздохнули с облегчением.

При этих словах в серых глазах управляющего промелькнуло выражение злорадства, губы неприятно дернулись. Мне показалось, что у Кассиуса есть личные причины не любить отца своего нынешнего хозяина. Я надеялась услышать больше, но управляющий уже сменил тему, и сообщил такое, что все мысли о старом проходимце вылетели из головы.

– Камилла, ты работаешь здесь три недели – давно пора выплатить тебе жалованье,

–
Кассиус широким жестом извлек из кармана пачку банкнот и небрежно отсчитал сто декатов. – А вот обещанное вознаграждение за найденные книги с символами – еще шестьдесят декатов. Завтра возьми выходной – прогуляйся в город, немного развлекись.

Если получится, составлю тебе компанию.

Я поблагодарила управляющего и робко взяла купюры в руки. Никогда раньше мне не доводилось иметь в своем распоряжении такую большую сумму. Хотя я и заработала эти

деньги своим трудом, меня грызло чувство, что я не заслужила такое щедрое вознаграждение. Я прекрасно отдавала себе отчет, что попала на выгодное место только

благодаря счастливому стечению обстоятельств, но на деле не очень-то годилась для работы секретаря.

Мысль о предстоящей прогулке по столице подарила хорошее настроение. Неделями я не покидала дома – сидела в пыльной библиотеке или исследовала не менее пыльные комнаты и коридоры. По вечерам позволяла себе небольшую прогулку по галерее: вход в нее обнаружился в конце коридора третьего этажа.

Жизнь моя была однообразной, спокойной и безмятежной. Мало-помалу тяжелое, голодное время на улицах столицы забылось, вернулись утраченная жизнерадостность, интерес к миру и вера в то, что все сложится хорошо.

Но период спокойствия и безмятежности пришел к концу в этот же вечер, когда из-за своего неумного любопытства я сделала несколько пугающих открытий и устроила себе череду неприятных приключений.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litmarket.ru/books/pomoshchnica-lorda-arhivariusa>